

Средневековая Европа ВОСТОК И ЗАПАД

Коллектив авторов

**Средневековая Европа.
Восток и Запад**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2015

УДК 94.4
ББК 63.3(4)4

Коллектив авторов

Средневековая Европа. Восток и Запад / Коллектив авторов —
«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2015

ISBN 978-5-7598-1229-6

Коллективный научный труд «Средневековая Европа: Восток и Запад» открывает серию публикаций Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ, посвященных вечной и вместе с тем неисчерпаемой теме отечественной медиевистики: взаимоотношениям латинского Запада европейского субконтинента и православного (а отчасти и мусульманского) Востока. Из бесконечного разнообразия возможных сюжетов для данного издания отобраны лишь до сих пор глубоко не изученные. Во-первых, разбираются брачные стратегии и стратегии имянаречения в среде правящей элиты разных обществ Северной и Восточной Европы – от Скандинавии до Грузии. Во-вторых, прослеживается циркуляция текстов и идей в средиземноморском регионе на примере распространения подлинных и мнимых сочинений Аристотеля. В-третьих, проводится сопоставление моделей отношения к иноверцам, выработанных на латинском Западе и на православном Востоке. В-четвертых, анализируются посольские церемонии (и их описания заинтересованными свидетелями) при встрече представителей Востока и Запада в 1576 г. И наконец, в заключение показывается, как классическая российская медиевистика XIX–XX вв. сама складывалась в ходе осмысления вопроса именно об историческом соотношении Востока и Запада Европы. Для историков, филологов, религиоведов и политологов.

УДК 94.4
ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-7598-1229-6

© Коллектив авторов, 2015
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2015

Содержание

Михаил Бойцов	7
I. Браки и имена	9
Анна Литвина, Фёдор Успенский	9
Вводные замечания	9
Кровное родство и брак: особенности нормы	14
Границы допустимого в Византии и на Руси	14
Запрет на браки между троюродными и системный характер его нарушения	17
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Средневековая Европа. Восток и Запад

© Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики, факультет гуманитарных наук, Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований, 2015

© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015

* * *

Михаил Бойцов

Вводные замечания

Лаборатория медиевистических исследований появилась в Высшей школе экономики в феврале 2012 г. Сначала она представляла собой слабо формализованную группу исследователей средневекового прошлого, но спустя год получила официальный статус и собственное место в структуре факультета истории. При том что постоянно работающих сотрудников в нашей лаборатории совсем немного, за прошедшее время ей удалось превратиться во вполне заметный центр академического изучения, преподавания и популяризации истории Средневековья. Разнообразная деятельность лаборатории хорошо отражена на сайте www.medieval.hse.ru, поэтому здесь нет необходимости ее подробно представлять.

Важно, однако, подчеркнуть, что главный общий исследовательский проект у нас один: «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия». Мы убеждены в том, что как тема взаимоотношений католической и православной частей средневековой Европы, так и вопрос о сопоставлении путей их исторического развития с самого начала были центральными для отечественной медиевистики и, судя по всему, надолго, если не навсегда, таковыми для нее и останутся. Разумеется, далеко не каждый крупный российский историк западного Средневековья в своих исследованиях прямо рассуждал о России и латинской Европе. Более того, найти таковых непросто. Однако как уже сам выбор ими исследовательских сюжетов, так и вопросы, задававшиеся ими своему материалу, делавшиеся ими наблюдения и выводы свидетельствуют вполне определенно, что отечественные медиевисты руководствовались в своих поисках отнюдь не антикварным интересом. Для российских интеллектуалов – не только историков – вопрос о взаимоотношениях России и Западной Европы всегда был в числе вечных, «проклятых», требующих немедленного разрешения, но при этом не разрешимых окончательно никогда.

Таковым он остается и сегодня – как у нас, так, в немалой степени, и у наших западных коллег и друзей. Причина непреходящей актуальности одной и той же фигуры мысли состоит в том, что те или иные интерпретации именно средневековой истории предоставляют как конкретный материал, так и теоретическую аргументацию для конструирования современных (XIX–XXI вв.) европейских идентичностей и политических сообществ. Как идея непреодолимого различия культур, возникших на фундаментах католичества и православия, так и противоположная идея их глубинной близости в равной степени основываются на интерпретациях единого средневекового прошлого нашей общей Европы, но ведут к различным выводам в настоящем. То же относится к идеям исключительной национальной самобытности, с одной стороны, или же, напротив, общеевропейской интеграции – с другой.

Наш проект сугубо академического свойства, и его осуществление не имеет отношения к каким бы то ни было идеологическим установкам или публицистическим задачам. У самих членов лаборатории, несомненно, разные взгляды на прошлое, настоящее и будущее как всей Европы, так и отдельных ее частей, что не мешает нам успешно работать вместе. Пожалуй, все мы исходим все-таки из того, что стремимся к выявлению общеевропейского измерения средневекового прошлого (а значит, и существующих сегодня европейских культур) при ясной оценке роли, сыгранной многообразием конкретных культурных и политических сочетаний в складывании столь разнохарактерного, но вместе с тем и столь узнаваемого общего исторического пространства нашей Европы. Так поставленная исследовательская задача, чтобы не остаться сугубо философско-спекулятивной, должна реализовываться в серии конкретно-исторических исследований, посвященных относительно «частным» вопросам.

Результаты разысканий, проводившихся в основном на протяжении 2012 г., мы представляем в нашей первой коллективной монографии. Сюжеты для них мы сознательно выбирали различные, методы применяли также всякий раз свои, но общая идея, обозначенная несколькими строками выше, проходит красной нитью через все разделы. Если обстоятельства будут благоприятствовать, мы продолжим публиковать исследования о Западе и Востоке Европы и далее.

I. Браки и имена

Анна Литвина, Фёдор Успенский Брак и власть между Западом и Востоком: матримониальный портрет династии Рюриковичей

Вводные замечания

Сегодня, говоря о браках средневековых правителей, мы воспринимаем их прежде всего как некий вспомогательный инструмент, очень важное, но все же сугубо прикладное и служебное средство осуществления внутренней или внешней политики династии. Между тем для самих династов, а тем более в глазах составителей хроник и летописей и их аудитории, акценты, по-видимому, были расставлены несколько иначе. В определенном смысле брак и возникавшие благодаря ему связи и были политикой, вместе с узами кровного родства они формировали «правовое поле» владения землей и властных претензий, позволяли осваивать новое географическое и культурное пространство, воплощали в себе состояние мира или переход к военным действиям – словом, формировали ту напряженную и динамичную сетку притяжений и отталкиваний, в которой от рождения до смерти протекала жизнь средневекового государя. За прагматическими требованиями текущей политики зачастую просматриваются куда более глубинные представления о том, что легитимно и нелегитимно в жизни правящего рода. Любопытно, например, что некоторые из легенд о первых правителях и их наследниках неизменно пребывают в состоянии взаимодействия и неустойчивого культурного равновесия с практическими нуждами династии, обуславливая, в частности, различия матримониальной стратегии у живущих рядом христианских народов.

Очевидно, что династический уклад Рюриковичей в домонгольскую эпоху по многим признакам чрезвычайно схож с укладом правящих родов других стран средневековой Европы. Но при всем множестве близких структурообразующих элементов семейный обиход русских князей и система власти, сложившаяся на Руси, оказываются вполне индивидуальны и уникальны. Чем же Рюриковичи домонгольского времени похожи на среднестатистический европейский правящий дом, а чем от него отличаются в приемах освоения реальности с помощью браков?

Как легко убедиться, обращаясь, например, к истории правящих родов Бургундии IX–XII вв., желательным брачным партнером оказывалось лицо, равное по знатности (в случае Бургундии оптимальными кандидатами на эту роль считались потомки Карла Великого), способное оказать военную поддержку и не в последнюю очередь – способствующее увеличению, немедленно или в следующем поколении, родовых земельных владений¹. Таким параметрам чаще всего отвечали ближайшие соседи и при этом отдаленные родственники. Однако эти простые и вполне целесообразные прагматические установки очень быстро наталкивались на определенные препятствия.

Первым из таких препятствий следует назвать, разумеется, церковные ограничения на близкородственные браки (которые могли в ту пору исчисляться двумя способами: по рим-

---

¹ См., например: *Bouchard CB. Consanguinity and Noble Marriages in the Tenth and Eleventh Centuries // Speculum. 1981. Vol. 56. No. 2. P. 268–287.*

скому или по так называемому германскому счету)². Заключив однажды матримониальный союз с отдаленными родственниками-соседями, правящий род на несколько поколений лишался возможности еще раз обратиться к этому же источнику для улаживания конфликта или расширения земельных владений.

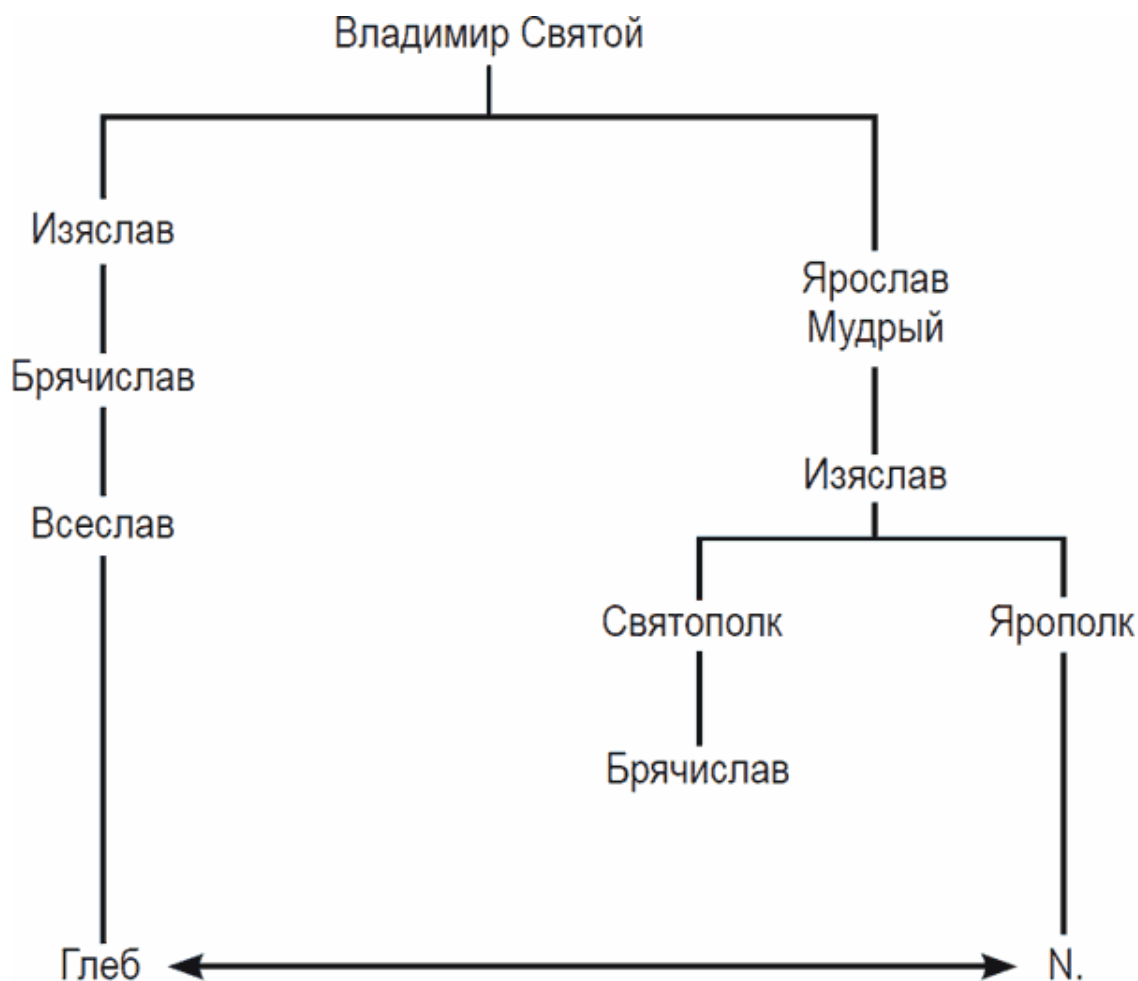
Очень скоро в родстве между собой оказывались практически все знатные соседи, и простой прием – поженить сына и дочь равной знатности и объединить земли – более не срабатывал. Приходилось или идти на нарушение канона, или изобретать какие-то нетривиальные ходы для установления родства, союза и преемничества с желательными партнерами. Какие же приемы, характерные для западных коллег, использовали князья Рюриковичи в сходных обстоятельствах?

Русские князья домонгольской поры относительно строго выдерживали церковный запрет на близкородственные браки. Характерным образом до последних десятилетий XI в. Рюриковичи просто не женятся друг на друге, т. е. не заключают внутрдинастических матримониальных союзов. Это время молодости династии, когда каждого из князей отделяет еще не так много поколений от Владимира Святого, единственного из потомков Рюрика, которому удалось оставить располагавших властью наследников. В результате мы имеем целый ряд матримониальных союзов, так сказать, разной степени удаленности – с венгерским, польским, норвежским и французским правящими домами, причем с каждой ступенью удаленности сиюминутные практические и политические выгоды от такого союза становятся все более эффективными. Правда, налицо соблюдение принципа равной или даже повышающейся знатности, но о том, насколько он был актуален для русских князей домонгольской поры, нам еще предстоит упомянуть ниже.

Можно допустить, что, пока речь идет о поколении сыновей Ярослава Мудрого, во внутрдинастических браках не так уж часто возникает необходимость – Ярославичи и без того приходятся друг другу родными братьями, и надежды умирить свои раздоры с помощью каких-то дополнительных отношений свойства у них не было. Однако существовала еще полоцкая, обособленная ветвь потомков Владимира Святого. Едва ли можно признать случайностью, что первый, самый ранний внутрдинастический брак между двумя представителями рода Рюриковичей заключается между полоцким по происхождению князем Глебом Всеславичем и дочерью Ярополка Изяславича, правнучкой Ярослава Мудрого, и происходит это, видимо, в конце 1080-х годов (рис. 1).

---

² Как в римском, так и в германском счете запретными оказывались по крайней мере шесть первых степеней кровного родства, но при германском способе исчисления под эти запретные степени подпадал куда более широкий круг родичей. Однако вопрос о том, насколько часто в интересующую нас эпоху при заключении династических матримониальных союзов привлекалась именно германская система генеалогических исчислений, остается открытым. Есть основания полагать во всяком случае, что зачастую в браках европейских династий использовался более льготный римский счет, который использовали в Византии и на Руси.

Рис. 1. Первый внутридинастический брак

По-видимому, еще ранее была предпринята попытка заключить брак между отпрысками Изяслава Ярославича и его постоянного противника, Всеслава Брячиславича, однако этот замысел не был доведен до конца, поскольку Изяслав поспешно бежал из Киева³. Иначе говоря, как только внутри правящего рода появлялась канонически допустимая пара, эта возможность брака сразу же реализовывалась, появившаяся в системе ячейка мгновенно заполнялась.

В последней трети XI столетия род Рюриковичей разросся, конфликты участились, а одним из немногих надежных средств их погашения в средневековом мире являлось обновление родства с помощью брака, что далеко не всегда еще было возможно из-за строгости канонических норм. Тогда-то Рюриковичи охотно прибегали к инструменту, успешному стать традиционным для западноевропейской династической традиции: между князьями заключалось духовное родство, они становились воспреемниками детей недавних конкурентов. Яркий пример такого рода – взаимоотношения Владимира Мономаха и Олега Святославича. В определенный период они все время сталкивались в военном противостоянии. Тем не менее Олег, что достоверно известно из переписки, стал крестным отцом двух старших сыновей Мономаха, Мстислава и Изяслава. Очень непросто установить, когда именно он успел это сделать, но очевидно, что факты крестин приурочены к кратким периодам перемирия между отцами, крестным и биологическим. Владимир пытается обеспечить поколению своих наследников дружбу Олега и его детей, причем духовное родство в данном случае оказывается единственным сред-

³ См. подробнее: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство» (историко-филологический этюд) // Die Welt der Slaven. 2013. Jg. 58. Heft 2. S. 308–325.

ством сближения, потому что даже когда многочисленные дочери и сыновья Мономаха подросли, брак между ними и кем-либо из Олегова потомства был невозможен с канонической точки зрения, поскольку они – троюродные братья и сестры.

На первый взгляд может показаться, что в данном случае дважды заключенное духовное родство не дало желаемого эффекта, что, впрочем, нередко случалось с подобными мерами во всем средневековом мире. Олег даже стал виновником гибели одного из своих крестников, Изяслава. В то же время это духовное родство никогда не сбрасывалось со счетов и всякий раз становилось аргументом и начальной точкой для очередного примирения князей, как это впоследствии бывало между сватами – главами двух семей, поженившими своих детей. Вообще говоря, на Руси родство по браку и духовное родство формировало очень интересный культурный механизм, который скорее гарантировал в будущем не отсутствие конфликтов, а постоянно сохранявшуюся возможность их урегулирования.

XII столетие (особенно вторая его половина) – эпоха торжества внутрдинастических матримониальных союзов у Рюриковичей. Род стремительно разрастался, и открывалось множество новых возможностей заключать браки, не нарушая канонических установлений. Очевидно, что таким образом соблюдались и принцип равной знатности, и принцип актуального военно-политического союзничества. Тем не менее эти новые возможности были далеко не безграничны, и расходовать их требовалось максимально эффективно. Характерно, однако, что на русской почве никогда не прививался западный обычай выбора духовной карьеры для младших сыновей правителя, как неактуален был в полной мере и привычный комплекс сюжетов, связанный с концептом примогенитуры. Удивительно, но мы знаем крайне мало примеров из поздней домонгольской эпохи пострижения в монахини княжеских дочерей прежде, чем они успели побывать замужем. Какие-то элементы такой практики можно наблюдать скорее на рубеже XI и XII вв. или в начале XII столетия (достаточно вспомнить сестру Владимира Мономаха Янку или Ефросинью Полоцкую и постриженных ею родственниц), впоследствии же этот обычай явно пошел на убыль. К концу XII в. княжны стали весьма ценной разменной монетой в матримониальной политической стратегии своих отцов.

Очевидно, что духовная карьера, избираемая для части наследников, не только была призвана обеспечить цельность земельного имущества, но и предоставляла оставшимся оптимальные брачные возможности: когда надо было женить старшего сына, а впоследствии – и старшего внука, брачным замыслам не мешало родство, которое уже установилось через многочисленных младших дядьев, теток и кузенов этого главного наследника. Пострижение в монахи изымало из брачных комбинаций все второстепенные и необязательные единицы. Тем не менее на Руси эта модель не работала – напротив, создается впечатление, что по неким неписаным правилам в браке должны были побывать все рожденные и дожившие до соответствующего возраста дети князя.

Не прослеживается здесь и характерная для некоторых западных традиций целенаправленная практика – выдавать дочерей за людей несколько менее знатных, сберегая тем самым возможность для сыновей вступить в брак с дочерью равного или превосходившего по знатности соседа. Правда, такого рода браки княжон иногда все же имели место: так, по-видимому, одна из дочерей Юрия Долгорукого была замужем за человеком не княжеского происхождения. Во всяком случае, в летописи отмечается⁴, что у Всеволода Большое Гнездо был сестричич, т. е. племянник, сын сестры, носивший вроде бы не вполне княжеское имя *Яков* и рожденный скорее всего не от князя, поскольку отец его вовсе нигде не назван по имени (что представляется почти невероятным, если он был Рюриковичем). Впрочем, подчеркнем еще раз, этот пример практически уникален для домонгольского времени.

---

⁴ ПСРЛ. Т. П. Стб. 658.

Скорее существовала традиция, когда князь мог жениться на дочери человека, не принадлежавшего ни к какому правящему роду, т. е., условно говоря, на женщине менее знатной, чем он сам. Правда, вопрос о том, как было устроено понимание знатности на Руси в домонгольское время, не так прост и требует отдельного разыскания. Дело в том, что, когда князьям случалось жениться на своих подданных, они заметно чаще выбирали новгородок, чьи роды по «архаическому», восходившему к скандинавскому прошлому династии счету могли не уступать в древности и былой славе роду Рюриковичей. Так или иначе, княжеским могуществом эти новгородские семьи не располагали, и речь все же шла об определенном мезальянсе, но самый этот мезальянс дозволялся в русской династической традиции скорее мужчинам, нежели женщинам.

Система династических браков в эпоху Средневековья была очень сложна и все время рисковала зайти в тупик. При проведении генеалогических подсчетов русских внутридинастических браков создается ощущение, что вот-вот наступит момент, когда следующему Рюриковичу уже будет не на ком жениться, и трудности эти такого же рода, как и у западных правителей. Но, как мы убедились, Рюриковичи пользовались далеко не всеми проверенными средствами, которые как-то облегчали эту ситуацию в Европе. Какие же собственные приемы, не позволявшие «захлопнуться» ловушке противоречий между церковным каноном и династическими интересами, они эксплуатировали?

Одним из спасительных средств, помимо новгородских браков, были союзы с половчанками, как правило, очень выгодные в военно-политическом плане. Отношения со знатью столь близко соседствовавшего языческого мира постоянно оставались весьма динамичными и регулярно требовали обновления. Не вызывает сомнения, что и все участники такой матримониальной ситуации, и летописцы, благодаря которым мы знаем о них, придавали исключительно важное значение кровному родству с кочевниками, возникавшему у детей, рожденных в таких браках, и были далеки от безразличия к половецкой генеалогии. Напомним, например, о внимании в «Поучении...» Мономаха к родству и происхождению плененных половцев, один из которых, Аепа, стал сватом Владимира Мономаха, и о том, как летописец заботливо отличает этого Аепу, Осенева, от другого Аепы, сына Гиргеня, который отдал свою дочь за одного из Ольговичей. Таким образом, мы узнаем имя не только отца, но и деда половецкой невесты, что далеко не всегда указывалось даже для княжон Рюриковн. И уж, по крайней мере если судить по летописным свидетельствам, происхождение отдельных половцев, как мужчин, так и женщин, интересовало древнерусских историографов едва ли не больше, чем генеалогия княжеских брачных партнеров из Польши, Венгрии, Германии, Скандинавии и даже Византии.

Какие же еще нетривиальные ходы, включавшие одних персонажей и исключавшие других из брачной системы, использовались Рюриковичами домонгольского времени? Кажется, здесь очень важна конкретная история запретов и ограничений, как сформулированных напрямую, так и долгие годы существовавших как нечто само собой разумеющееся и лишь иногда – частично или косвенно – прорывавшихся в доступные нам письменные тексты.

На брачную и семейную жизнь правителей в XI–XII столетиях накладывают отпечаток, во-первых, система канонических запретов (достаточно устойчивая и все же отнюдь не лишенная вариативности и способности к изменению), во-вторых, некие более чем подвижные местные представления о том, какие из церковных запретов и при каких обстоятельствах могут нарушаться, и, наконец, в-третьих, внутренние ограничения, напрямую не обусловленные конкретным церковным каноном и зачастую вообще не подвергавшиеся эксплицитной формулировке на письме.

По-видимому, со времени принятия христианства династия Рюриковичей в целом приняла тот набор ограничений, который налагался церковью на брачные отношения. Эти инновации, делавшие, например, недопустимыми браки с кровными родственниками до 6-й степени родства включительно, принимались династией, если можно так выразиться, легко и беспро-

тестно – русские князья и княгини вплоть до середины XIII столетия никогда не вступали в брак с двоюродными братьями и сестрами, с двоюродными племянниками и племянницами, а с троюродными братьями и сестрами – чрезвычайно редко (об исключительных случаях подобного типа будет сказано ниже). Тем не менее мы можем утверждать, что на Руси складывается, так сказать, собственный извод брачной нормы – во всяком случае в том, что касается матримониальной жизни князей. И формируется этот извод, как мы полагаем, именно в результате взаимодействия канонического права и требований родового обихода, хотя на первый взгляд существование такого рода местных изводов для того, что, казалось бы, должно относительно жестко задаваться церковными правилами, само по себе неожиданно. Конкретные параметры этого «русского династического извода» мы попытаемся продемонстрировать ниже.

В данном исследовании мы стремимся привлечь весь доступный массив данных о браках Рюриковичей домонгольской поры, дифференцируя его по степени полноты и достоверности, и обращать особое внимание на анализ наиболее проблемных казусов в случаях, когда источники предоставляют нам такую возможность.

Кровное родство и брак: особенности нормы

Границы допустимого в Византии и на Руси

В качестве выразительной модели притяжения/непритяжения русскими князьями приходивших извне норм и установлений в области брачного права можно привести упоминавшийся выше запрет жениться на кровных родственниках относительно отдаленных (6-й и 7-й) степеней родства. В Византии браки между троюродными (родственниками в 6-й степени) были под запретом по крайней мере с середины VIII столетия – соответствующее указание мы обнаруживаем уже в «Эклоге»⁵; аналогичный запрет имеется и в позднейших законодательных сводах, в «Прохироне» и «Василиках»⁶. Более того, в интересующий нас период в Византии отвергалась и 7-я степень родства⁷, браки между родственниками в этой степени в свое время считал нежелательными еще патриарх Алексей Студит. Для нас весьма существенна правоприменительная модель, предложенная в этом патриаршем постановлении: если такой союз уже заключен, то супругов следует не разлучать, а лишь подвергнуть покаянию. Немаловажно также, что 7-я степень кровного родства характеризовалась здесь как «выпавшая» из прежнего законодательного обсуждения, безусловно запрещавшего браки между родственниками в 6-й степени и столь же безусловно допускавшего союзы между родственниками в 8-й степени⁸.

⁵ «Запрещается же сочетаться браком тем <...>, кто считается состоящим друг с другом в кровном родстве, то есть родителям с детьми, братьям с сестрами и их детям, так называемым двоюродным братьям и их детям и только» (Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 54. Титул 2, § 2. (Памятники средневековой истории народов Центр, и Вост. Европы); Византийская книга эпарха / вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. Рязань, 2006.

⁶ См. подробнее о 6-й степени родства в византийском брачном праве: *Zhishman J. von. Das Eherecht der orientalischen Kirche. Wien, 1864. S. 238–241.*

⁷ О запрете таких браков см. подробнее: *Ibid. S. 241–252.*

⁸ См.: Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований / подгот. к изд. и доп. Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым и Я. Н. Шаповым; под общ. рук. Я. Н. Шапова. Т. II. София, 1987. С. 190–191. Гл. XXXIV; *Zhishman J. von. Op. cit. S. 243.* Ср. также в связи с этим ответы митрополита Иоанна черноризцу Иакову (1080-е годы): «А ѹже. г. ѹже брата чада поимають, аще и внѣшнии законъ повелѣваетъ, но и симъ дастъсѧ ѹпитемъе, полезное церкви и вѣрнымъ. Иже со. в. ю брата чадою совокупляетьсѧ, аще не по-слушаютъ розно разитисѧ, въ свершеное бѣлчатъсѧ осуженье» (РИБ. Т. VI. Стб. 12. 23). Таким образом, тот, кто вступает в брак с отпрыском троюродного брата (родство в 7-й степени), подлежит церковному покаянию, хотя союз этот не противоречит «внешнему» (светскому?) закону. Брак же с родственником в 5-й степени подлежит расторжению, а его участники – полному отлучению от церкви.

Во второй половине XII в. возможность браков между лицами, состоявшими в 7-й степени кровного родства, в Константинополе оказалась предметом живейшего обсуждения, в которое были вовлечены не только церковные иерархи, но и светская власть. В частности, патриарх Лука Хрисоверг и Синод обращались по этому поводу к императору Мануилу Комнину. Результатом обсуждений стали появившиеся один за другим соборное постановление (11 апреля 1166 г.) и императорский декрет (18 мая 1166 г.), в которых подтверждалась недопустимость таких браков, однако императорский декрет, имевший силу окончательного решения, содержал элемент компромисса, поскольку объявленный в нем запрет не имел обратной силы – было позволено, не допуская подобных союзов впредь, признать не подлежащими немедленному расторжению уже заключенные браки. Как следует из текста императорского решения, это послабление было вызвано нежеланием нарушать интересы знатнейших фамилий, включая и правящий дом Комнинов, разводя супругов, вступивших в брак с личного согласия и одобрения императора.

Иначе говоря, византийская практика того времени недвусмысленно свидетельствует о своего рода уязвимости тех запретов, которые касались наиболее дальних из недопустимых степеней родства, по крайней мере, если речь идет о браках высшей знати. Это не означает, разумеется, что византийская аристократия, император и его родственники, игнорировали запрет на союзы между кровными родственниками в 7-й степени, а тем более на браки между троюродными⁹. Тем не менее и после только что упомянутых постановлений подобные браки время от времени все же заключались, в том числе и по воле императора. Как выразился историк XIII в. Георгий Акрополит по поводу предполагавшегося брака между членами правящего рода, состоявшими друг с другом в 7-й степени родства, «...так делал и император Иоанн, и многие другие, так что это было делом обыкновенным; и хотя церковь запрещала подобные браки, но императорам это разрешалось ради общественной пользы»¹⁰.

Таким образом, между постулируемой нормой и династической практикой в Византии по-прежнему допускался некоторый зазор. С другой стороны, были выработаны специальные механизмы, не позволявшие этому зазору чрезмерно увеличиваться. Так, в постановлении императора Мануила говорится о необходимости церковного наказания не только вращавшихся, коль скоро им было известно о связывавшей их 7-й степени родства, не только священников, которые обвенчали столь близких родственников, но и тех, кто дали согласие и одобрили подобный брак. Как кажется, эта последняя деталь может оказаться немаловажной при рассмотрении интересующих нас русских событий.

---

⁹ В нашем распоряжении есть весьма выразительный пример, демонстрирующий, что и в конце XII столетия по прямому настоянию императора мог быть заключен брак между представителями правящего дома, состоявшими в 6-й степени родства, однако такое действие ни в малой степени нельзя было назвать заурядным – оно требовало особой санкции светских и духовных институций, вызывало весьма неоднозначные оценки в Сенате и привело к прямому конфликту с патриархом Феодосией, закончившемуся его добровольным удалением с престола. Речь идет о достаточно скандальном браке, устроенном по инициативе императора Андроника Комнина. Андроник (который, кстати, прежде чем сделаться императором, некоторое время, как известно, провел на Руси, у галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла, ср.: ПСРЛ. Т. П. Стб. 524) женил Алексея, внебрачного сына покойного императора Мануила, на собственной незаконнорожденной дочери Ирине. Матери брачевавшихся (обе носившие имя *Феодора*) приходились друг другу двоюродными сестрами, а отцы – двоюродными братьями. Соответственно Алексей и Ирина были троюродными братом и сестрой сразу по двум линиям. Согласно «Истории...» Никиты Хониата, сторонники этого брака утверждали, что родства между лицами, о бракосочетании которых шла речь, не существовало, ибо оба они были плодами незаконных связей, а такие отпрыски законами не признавались в родстве друг с другом. Однако их оппоненты, включая, по-видимому, самого патриарха, смотрели на дело иначе и считали нужным основываться не на законности некогда заключенных союзов, а на самом факте кровного родства (*Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина: в 2 т. Т. 1. Рязань, 2003. С. 273–274. Гл. XV). Не исключено, что конфликт усугублялся еще и тем обстоятельством, что оба брачевавшихся были плодами не только незаконных, но и кровосмесительных связей, поскольку мать Алексея приходилась родной племянницей его отцу, императору Мануилу, а мать Ирины – двоюродной племянницей ее отцу, Андронику.

¹⁰ *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита / пер. под ред. И. Троицкого // Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов; Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. Гл. 50. С. 340.

Как же обстояло дело в династии Рюриковичей? Если судить по переводным славянским источникам, то в конце XII в. на Руси продолжало фигурировать более архаичное и более вольготное византийское правило, в соответствии с которым 7-я степень родства считалась пригодной для брака, тогда как 6-я отвергалась как недопустимая¹¹. Иначе говоря, когда в Византии брачные запреты ужесточились, и, наконец, в середине XII в. 7-я степень родства была объявлена невозможной для брака, русские князья не поддались этой тенденции и продолжали заключать матримониальные союзы между родственниками в 7-й степени, что называется, на глазах у митрополитов и епископов, прибывших из Константинополя.

Разумеется, здесь можно говорить о политической необходимости такого рода женитьб. Но при этом, как кажется, нужно отдавать себе отчет в двух вещах: во-первых, в династии браки между ближайшими родственниками с политической точки зрения, как правило, выгодны чрезвычайно, и все же им положен предел, а во-вторых, мы зачастую воспринимаем браки исключительно как инструмент политики, иногда даже почти как некую этикетную надстройку, лишь венчающую политическую надстройку. Между тем мы имели возможность заметить выше, что для князей домонгольского времени браки – это и есть политика, одно настолько неотличимо от другого, что зачастую невозможно сказать, что является целью, а что – средством.

Родовая традиция пронизана идеей повтора и подобия. Один из принципов действия родового начала в династии Рюриковичей очень условно можно охарактеризовать так: легитимно все то, что воспроизводит действия предков, мы поступаем так, потому что так поступали наши отцы и деды. Этот вывод кажется в высшей степени тривиальным, однако результаты воплощения такой стратегии порой оказываются весьма необычными. В самом деле, родовое начало, родовая стихия на первый взгляд ощущаются как нечто консервативное, заставляющее членов династии воспроизводить в меняющихся политических условиях некоторые архаические, монотонные и негибкие образцы. Однако это соответствует действительности лишь отчасти. Князья ориентировались не только на модели, заданные в далеком династическом и, может даже, додинастическом прошлом. В дробившемся и разраставшемся роду Рюриковичей весьма важным оказывалось прочерчивание локальных цепочек преемственности, характеризующих каждую отдельную семью или каждую конкретную родовую ветвь. Проще говоря, для князя – в качестве модели династического поведения – очень важны были действия его родного деда, отца или даже старшего брата, а не только более отдаленных родичей-предков, чьи образы скрепляли весь род в целом, чьи деяния принадлежали уже, так сказать, общеродовому фонду. Если же речь шла о браках, то здесь в сетку семейной преемственности могли попасть и действия старших родственников по женской линии.

Почему это важно? Какая разница, ориентировались ли князь или княгиня в своей брачной стратегии, например, исключительно на отдаленных предков или в первую очередь на своих родителей, если родовое начало вообще ориентировано на преемственность и воспроизводимость, если династический маршрут каждого князя в идеале должен просто повторять жизненную траекторию того, в честь кого он был назван? Дело в том, что на практике такая идиллическая картина, когда дети живут такой же жизнью, как их родители, когда право на власть на каждом этапе передается тому, кому следует, в соответствии с представлениями старшинства, когда кровные родственники и родственники по браку всегда действуют заодно под началом старшего из них, когда браки заключаются в полном соответствии как с династическими интересами, так и с церковными нормами, – подобная картина воплощается в жизнь не всегда. История Рюриковичей, как и история любой другой династии, вообще может быть составлена как перечень отступлений от чаемого порядка вещей.

---

¹¹ О соответствующей норме, запрещавшей браки в 6-й степени, но позволявшей в 7-й и 8-й, см.: РИБ. Т. VI. Стб. 143, № 14, § 1; Бенешевич В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 196–201.

Существенно, однако, что ориентация на собственные семейные образцы позволяла вовлечь в традицию некоторые из этих отклонений. Иначе говоря, действия, предпринятые ближайшими родичами под давлением обстоятельств или ради получения немедленных преимуществ, становились образцом семейного поведения, хотя заключали в себе зерно противоречия с общеродовыми обычаями.

Запрет на браки между троюродными и системный характер его нарушения

Итак, русские князья домонгольской поры были склонны соблюдать церковные запреты, накладывавшие существенные ограничения на браки между кровными родственниками. Данное утверждение, будучи верным в своей основе, вызывает к жизни сразу несколько вопросов и соответственно требует определенных оговорок.

Прежде всего, существовала некоторая неоднозначность в структуре самих запретов и ограничений. Известно, например, что во второй половине XII в., когда в матримониальной стратегии Рюриковичей особую роль приобрели внутрдинастические браки, т. е. женитьба на представительницах собственного рода, византийская каноническая традиция последовательно проводила запрет на браки между лицами, состоявшими в 7-й степени родства. Запрет этот, напомним, так или иначе фигурировал в патриарших постановлениях уже в XI столетии, но отсутствовал в более древних законодательных памятниках, таких как «Эклога», «Прохиرون» или «Василики», где недопустимыми считались лишь браки в 6-й степени родства.

Если же судить, основываясь на статистике русских внутрдинастических браков домонгольского времени, Рюриковичи, в духе древнего византийского законодательства, не считали 7-ю степень родства препятствием для брака; своеобразным порогом для них оказывалась, таким образом, 6-я степень. Вопрос о том, как, несмотря на присутствие на Руси греческих митрополитов и епископов, могло возникнуть такое различие между Киевом и Константинополем, чрезвычайно интересен сам по себе, но в данном случае значение его для нас второстепенно. Нас интересуют, скорее, факты нарушения реально существовавшей на Руси границы в области брачных отношений, т. е. отступления от запрета жениться на кровных родственниках в 6-й степени¹².

Количество этих отступлений, учитывая многочисленность и актуальность внутрродовых браков для русских князей, относительно невелико. Показательно, например, что в самых первых по времени эпизодах внутрдинастических матримониальных союзов соответствующим

---

¹² Мы сознательно ограничиваем данное исследование рассмотрением браков внутрдинастических, т. е. тех, которые планировались в пределах Руси и осуществлялись при участии местного духовенства. Что же касается близкородственных междинастических браков, то они зачастую вызваны к жизни другими интересами и расчетами, не говоря уже о том, что механизмы их регуляции и санкционирования были устроены иначе и заведомо выходили за рамки собственно русской практики и юрисдикции Восточной церкви. Так, матримониальный союз между состоявшими в родстве Болеславом III и Сбыславой Святополковной потребовал, как известно, санкции не только краковского епископа Балдуина, но и папы Пасхалия II (Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия: в 5 т. Т. IV: Западноевроп. источники / сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 176–177), а состоявшееся почти полтора века спустя бракосочетание Василько Романовича с троюродной сестрой было дозволено специальной буллой папы Иннокентия IV (АИ. Т. 1: Выписки из Ватикан, тайного архива и из других рим. библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. СПб., 1841. С. 67, № LXXVI). Поэтому нам представляется целесообразным вначале рассматривать междинастические и внутрдинастические браки такого типа по отдельности и лишь затем переходить к их сопоставительному анализу. Данный подход оправдан еще и тем, что, как станет ясно из дальнейшего изложения, с точки зрения хронологии у Рюриковичей междинастические и внутрдинастические браки между троюродными находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: для второй половины XII в., на которую приходится большинство (если не все) союзов между троюродными внутри династии, столь близкородственные междинастические альянсы нехарактерны. Скорее всего, сложные изменения в династической матримониальной стратегии не отрицают существования хотя бы некоторых общих принципов организации внутри- и междинастических браков, однако здесь необходим несколько иной уровень соположения доступных нам фактов. Многое в этой области было сделано в работах А.В. Назаренко (Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 559–584; Древняя Русь и славяне: ист. – филол. исследования. М., 2009. С. 127–146. (Древнейшие гос-ва Вост. Европы)).

щее брачное ограничение выдерживалось¹³. Князя как бы выжидали, когда различные ветви рода разойдутся достаточно далеко, чтобы можно было выбирать партнера для брака, соблюдая церковные правила. Трудности в этом отношении возникают не ранее III в., а возможно, и гораздо позднее – именно тогда в брак вступают Агафья, дочь Владимира Мономаха, и некий князь по имени Всеволодко, которых часть исследователей считают троюродными братом и сестрой¹⁴.

Каждое подобное нарушение требует, по-видимому, самостоятельного анализа, который позволил бы определить, почему оно стало возможным. При этом особое внимание следует, как кажется, уделять наиболее ранним примерам отступлений от брачного права, поскольку мы знаем, что в династическом обиходе русских князей особую роль играла ориентация на близкие семейные образцы. Необычный прецедент, возникший в силу специфических обстоятельств, в дальнейшем мог если не тиражироваться многократно, то, во всяком случае, служить оправданием для аналогичных действий, предпринятых уже в новых обстоятельствах людьми, принадлежавшими к следующим поколениям той же семьи.

Святослав Вицижский и Андреевна. В этом отношении для исследователей очень ценна история брака не самого заметного из русских князей домонгольской поры, Святослава Владимировича Вицижского, внука Давыда Святославича и правнука Святослава Ярославича. В Ипатьевской и Лаврентьевской летописях надежно зафиксирован брак этого князя с дочерью Андрея Боголюбского: «...тогда же Андреевну приведоша за Стослава. за Володимира <Х. володммирича, П. володимерича> въ Выцижь»¹⁵.

Владимир Давыдович, отец Святослава, состоял в браке с некоей княжной, которая в летописи именуется *Всеволодковной*. Этот матримониальный союз был заключен, согласно летописям, в 1144/45 г.¹⁶ В 1151 г. Владимир погибает¹⁷, именно его вдова обозначается в источниках как мать Святослава, а поведение в конце 1150-х годов их сына, постоянно действовавшего заодно со своим дядей Изяславом (причем именно последний выбрал и сосватал за него не-

¹³ Так, один из самых ранних межсемейных союзов Рюриковичей был заключен, по-видимому, между родственниками в 8-й степени – дочь Ярополка Изяславича и ее муж, Глеб Всеславич Минский, были праправнуками Владимира Святого по мужской линии. Что касается их матрилинейной генеалогии, то здесь, как это весьма нередко случается с русскими князьями, наши сведения куда более скудны и неопределенны. Матерью невесты была, судя по всему, Кунигунда, дочь майсенского маркграфа Оттона. О том же, кем была мать жениха, Глеба Всеславича, никаких данных в источниках не сохранилось; маловероятно, однако, чтобы она состояла в близком родстве с Кунигундой, делать же какие-то выводы о ее кровных связях с Рюриковичами не представляется возможным. Ничего не известно и о том, кем была бабка Глеба Всеславича по отцу – хотя она упомянута в летописи, ни имени, ни происхождения полоцкой княгини, родившей сына «от волхования», мы не знаем. В свою очередь, бабкой невесты по отцу была, без всякого сомнения, польская принцесса Гертруда, дочь Мешко П. Таким образом, близкородственной связи Ярополковны и Глеба через женщин в источниках вроде бы не просматривается. Более того, несмотря на ощутимые лакуны в наших сведениях на сей счет, мы можем признать эти связи крайне маловероятными, ибо они могли иметь место лишь в том случае, если Рюриковичи с самого начала не соблюдали никаких ограничений на близкородственные браки и женились на своих родственницах в 3-й и 4-й степени, что решительно не вписывается в известную нам картину их матримониальной стратегии XI в. 7-я (т. е. допустимая с точки зрения русского княжеского обихода) степень родства была между Ярославом Святополчицем, внуком Изяслава Ярославича, и его женой, дочерью Мстислава Великого, внучкой Владимира Мономаха, которые вступили в брак в 1112 г.: Ярослав был правнуком Ярослава Мудрого, тогда как Мстиславна – праправнучкой. При этом матерью Мстиславны была шведская принцесса Кристина (Христина), не состоявшая в ближайшем родстве с русскими князьями. Относительно происхождения матери Ярослава мнения исследователей расходятся. Возможно, Ярослав, подобно своему брату Мстиславу, был рожден от наложницы. Еще более вероятно, что его мать была законной женой Святополка, однако этот брак не был внутрдинастическим, поскольку она была дочерью одного из европейских правителей, по предположению А.В. Назаренко (*Древняя Русь на международных путях... С. 576*), чешского князя Спытигнева П. Как бы то ни было, и в том и в другом случае едва ли можно обнаружить кровное родство матери Ярослава с Мономами. Аналогичным образом дело обстоит и с бабкой Ярослава Святополчица по линии отца, будь то Гертруда или неизвестная по имени наложница Изяслава Ярославича, – она не могла состоять в столь близком кровном родстве с Мономами, чтобы это послужило препятствием для женитьбы ее внука.

¹⁴ Подробнее об этом см. ниже.

¹⁵ ПСРЛ. Т. П. Стб. 509.

¹⁶ Там же. Стб. 317. Ср. также: Там же. Т. I. Стб. 350.

¹⁷ Там же. Стб. 334; т. П. Стб. 438.

сту), как нельзя лучше соответствовало династическому облику осиротевшего юного князя 13–15 лет от роду. Таким образом, матерью вщижского князя могла быть исключительно интересующая нас Всеволодковна¹⁸.

В летописи специально подчеркивается, что эта Всеволодковна и ее сестра были внучками некоего Владимира: «...той же зимѣ Всеволодь ода двѣ Всеволодковнѣ. Володимери вноуцѣ. единою за Володимира за Двдвича. а другоу за Мрослалича. за ДюрдА. шбѣ ѣдиной недѣлѣ»¹⁹.

У исследователей не возникало сомнений, что в данном случае имеется в виду не кто иной, как Владимир Мономах, причем наиболее убедительным выглядит общепринятое построение, согласно которому он был дедом этих княжон по материнской линии. Иначе говоря, дочь Владимира Мономаха Агафья, которую в III7 г., согласно летописи, выдали замуж за Всеволодка²⁰, была матерью обеих Всеволодковен²¹. Коль скоро супруга Владимира Давыдовича приходилась внучкой Мономаху, то их сын, наш Святослав Владимирович Вщижский, закономерным образом оказывается родным правнуком этого князя.

Однако правнучкой Мономаха вне всякого сомнения была и уже известная нам жена Святослава Вщижского, дочь Андрея Боголюбского, поскольку Андрей, сын Юрия Долгорукого, по отцовской линии был Мономаховым внуком (рис. 2). Таким образом, мы с большой степенью вероятности имеем дело с браком, заключенным между лицами, состоявшими в 6-й степени родства (между троюродными братом и сестрой)²².

Как такое могло случиться? Казус этот ценен для нас по двум причинам: во-первых, в источниках не только ясно зафиксирован данный брак, но и достаточно подробно изложены предшествовавшие ему события. Более того, во-вторых, события эти имеют отчет-

---

¹⁸ Все эти оговорки необходимы потому, что, судя по предполагаемому возрасту Владимира Давыдовича, брак с Всеволодковной в 1144/45 г. мог быть для него не первым, хотя никаких данных о его предыдущих или последующих женитьбах в источниках не обнаруживается. Так или иначе, Святослав не мог быть рожден в предшествовавшем браке, так как в противном случае едва ли вдова Владимира могла именоваться матерью Святослава, и уж тем более ее новый муж (подробнее о нем см. ниже) не мог бы называться отчимом молодого князя (ПСРЛ. Т. П. Стб. 501). В то же время весьма маловероятно, что между 1144/45 и 1151 гг. Владимир успел овдоветь, жениться вновь и обзавестись сыном, который уже в 1157 г. был настолько взрослым, что охранял Чернигов и не пускал туда своего могущественного родича Святослава Ольговича (Там же. Стб. 490). Таким образом, факт рождения Святослава от Всеволодковны можно считать не подлежащим сомнению.

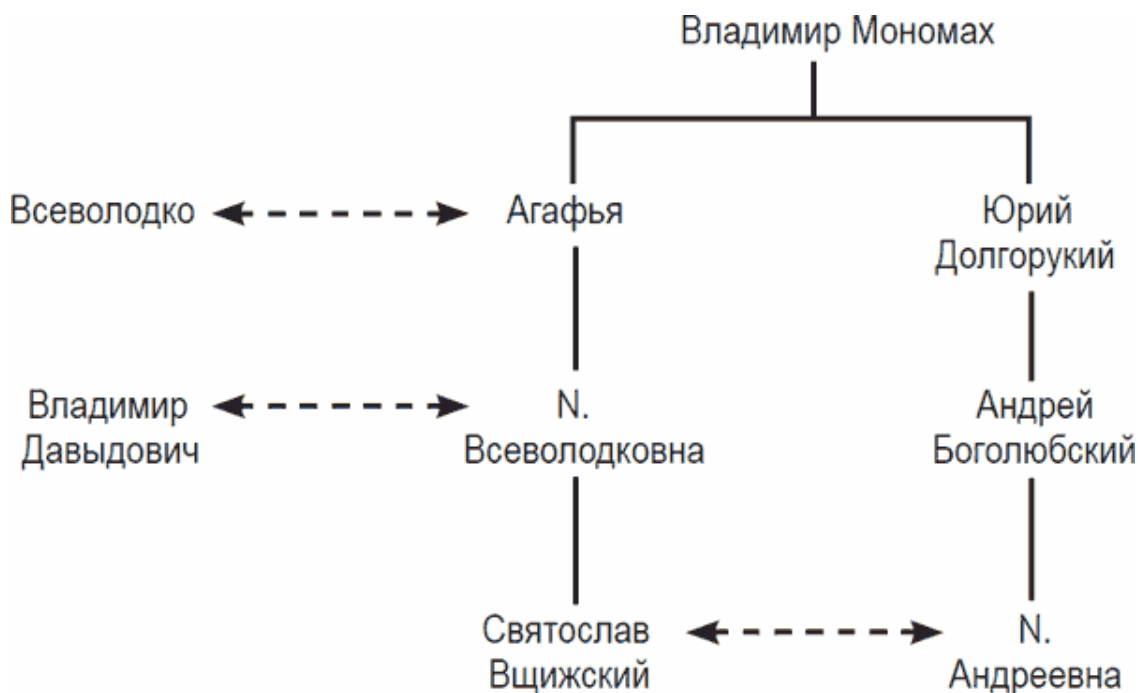
¹⁹ Там же. Стб. 317.

²⁰ Там же. Стб. 284.

²¹ В свое время В. Н. Татищев предположил, что отцом этих двух княжон был новгородский и псковский князь Всеволод-Гавриил, сын Мстислава Великого (*Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 3 кн. Книга вторая. М., 1773. С. 278), а к Агафье Владимировне они не имеют, таким образом, прямого отношения. Эта гипотеза помогает избежать ряда трудностей, связанных с последующими близкородственными браками ближайших потомков наших княжон (см. о них ниже), однако сама по себе она создает еще целый ряд терминологических и генеалогических проблем и противоречий, на наш взгляд, куда более неразрешимых. Упомянем сперва наименее существенные из них. 1. Обе невесты Всеволодковны оказываются не внучками, а правнучками Владимира Мономаха, однако такое терминологическое смещение (напомним, в летописи они названы *внуцѣ*), строго говоря, является допустимым для летописного узуса. 2. Именование Всеволода-Гавриила Мстиславича *Всеволодком* является необычным для летописной традиции, в то время как муж Агафьи назван в сообщении об их браке именно так. Куда более значимы, однако, неувязки генеалогического характера. Всеволод-Гавриил Мстиславич был женат на дочери Святослава Давыдовича Черниговского, который именуется в летописи его *тестем* (ПСРЛ. Т. III. С. 19, 203). Если бы наши княжны Всеволодковны были дочерьми Всеволода-Гавриила Мстиславича от данного союза, это означало бы, что Владимир Давыдович взял в жены свою внучатую племянницу, т. е. родственницу в 4-й степени, что для XII в. на Руси было бы беспрецедентным нарушением канона. Упоминание о женитьбе Всеволода-Гавриила в летописи находится под 1123 г. (Там же. С. 21, 205). Можно допустить, вслед за В. Н. Татищевым, что это был второй брак князя. Однако, не говоря уже о спорности подобной реконструкции, даже и в этом случае оказывается, что Владимира Давыдовича связывала бы с его супругой Всеволодковной 4-я степень свойства, что также является крайне редким для Рюриковичей нарушением канона. Таким образом, отцовство Всеволода-Гавриила Мстиславича следует, не сбрасывая со счетов полностью, признать крайне маловероятным.

²² Разумеется, в 6-й степени родства состояли не только троюродные братья и сестры, но и, например, двоюродная внучатая племянница и кузен ее деда. Однако, если дело касается брачных отношений, наиболее частотна именно возможность союза между троюродными братом и сестрой. Именно такие браки и наблюдались у Рюриковичей в качестве отступления от церковных предписаний.

ливый военно-политический характер, а связь между ними и устройством матримониального союза непосредственно проводится в самом тексте летописи. Это второе обстоятельство немаловажно, поскольку зачастую исследователи склонны априори рассматривать княжеский брак исключительно как средство создания или скрепления военного союза и сталкиваются поэтому с необходимостью подбирать политические сюжеты под матримониальные факты или, наоборот, реконструировать тот или иной брак, основываясь на известиях о совместно предпринятых князьями военных действиях.

Рис. 2. Близкородственный брак Святослава Вщижского и дочери Андрея Боголюбского

На наш взгляд, ближайшие военные задачи отнюдь не всегда являются целью и первопричиной внутридинастического брака²³, однако в данном случае дело обстоит именно таким образом, причем речь идет не об отдаленных стратегических замыслах, а о немедленном разрешении уже существующей и нарастающей угрозы. Святослав Владимирович, будучи ближайшим и безусловным союзником своего дяди Изяслава Давыдовича (который накануне описываемых событий потерял киевский стол и не преуспел в попытке получить стол черниговский), оказывается осажден в своем городе Вщиже целой коалицией русских князей – Ольговичами, соединившимися с Мономашичами. Изяслав спешит на помощь племяннику, в городе которого он лишь недавно сам находил пристанище, однако, чувствуя недостаток сил, посылает к князю Андрею Боголюбскому сватов, одновременно испрашивая у того как военной помощи для себя и племянника, так и дочь в жены последнему²⁴.

Андрей Боголюбский посылает помощь немедленно, отрядив к Святославу своего сына Изяслава «съ всеимъ полком своимъ», дочь же отправляет во Вщиж позднее, когда осада была снята. Характерно, что в летописи Андрей упреждающим образом именуется *тестем* Свято-

²³ См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Политические интересы vs. матримониальные возможности в династии Рюриковичей XI–XII вв. // Вост. Европа в древности и средневековье: Ранние гос-ва Европы и Азии: Проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: материалы конф. Москва, 19–21 апр. 2011 г. М., 2011. С. 163–167.

²⁴ «Тои же зимѣ. ѿтуда иде на Смоленскую волость. Изяславъ и повоевавъ. и тамо много зла створиша. Половци. взаша дъш боле тмы а иньяе исъкоша Изяславъ же ѿтолѣ. посла къ Дюргевичю къ Андрѣевичю испроси оу него дщерь. за сновца своего за Стослава. и испроси оу него помочъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. [508]). Ср.: Там же. Т. I. Стб. 350.

слава буквально с того момента, как сговор совершен и военная помощь выслана – Святослав приобретает как бы симметричную поддержку непрямого кровного родича (дяди) и ближайшего старшего свойственника (тестя)²⁵. Поддержка эта настолько сильна, что не потребовалось даже битвы: два Изяслава, Давыдович и Андреевич, не успели дойти до Вщижа, когда княжеская коалиция сняла осаду и отступила, как будто бы примирившись со Святославом.

Итак, представляется очевидным, зачем этот союз понадобился молодому Святославу Вщижскому – он избавлял князя от немедленной и вполне осязаемой военной опасности. Необходимость такого рода могла заставить его преступить канонические ограничения и решиться на брак с троюродной сестрой. Но что же в таком случае двигало Андреем Боголюбским, что заставляло его – вроде бы без особой на то необходимости – решиться на близкородственный союз?

Вопрос этот, учитывая особое внимание Андрея к церковным делам, не имеет однозначного ответа. Если говорить о ближайшей политической тактике князя, то, как видно из дальнейшего, она не была связана непосредственно с самим Святославом. В сиюминутной перспективе будущего тестя интересовал по преимуществу старший родич вщижского князя, с которым и велись переговоры о свадьбе, – претендовавший на Киев Изяслав Давыдович. Во всяком случае, именно с ним Андрей устраивает встречу на Волоке, одной из целей которой была договоренность о новгородском княжении. Свадьба, скорее, повод для этих переговоров, по крайней мере, устроив снем с Изяславом, Андрей вовсе не торопился вторично прийти на помощь к тому, кто стал его зятем. Княжеская коалиция, придя под Вщиж вторично, полностью преуспела в своих замыслах и помирилась со Святославом Владимировичем на том, что тот целует крест своему двоюродному дяде Святославу Ольговичу и отныне берет его «въ ища мѣсто»²⁶.

Характерно при этом, что Изяслав Давыдович и прежде состоял в свойстве с домом Юрия Долгорукого, так как в 1155/56 г. выдал дочь за сына Юрия (и соответственно брата Андрея Боголюбского), Глеба, и в истории этого брака мы имеем дело с настолько причудливым соотношением матримониальных и политических связей, что говорить о простой зависимости одного от другого, по-видимому, не приходится²⁷. Так или иначе, едва ли можно утвер-

²⁵ «... и посла <Андрей Боголюбский. – А. Л., Ф. У.> к нему сна своего Изяслава. съ всимъ полкомъ своимъ. и Муромскаяе помочу. с нимъ зане пришли баху Руский кнзи на Стослава на Володимирича. и вступили баху въ Вщижи бѣшеть же с ними из города. ѿжидаеъ Изяслава стрѣе своего с помочью. и ѿгыче своего ѿ Андрѣе» (Там же. Т. II. Стб. 508–509).

²⁶ ПСРЛ. Т. П. Стб. 509; ср. также: Там же. Т. I. Стб. 350. В историографии можно встретить точку зрения, согласно которой была всего одна осада Вщижа, а двукратный рассказ о ней в Ипатьевской летописи связан с тем, что описание этого события было позаимствовано сводчиком из двух разных источников (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 332–333, примеч. 96 и 97). Предполагается, таким образом, что составитель Ипатьевского свода не опознал в этих двух эпизодах изображение одного и того же военного предприятия, однако такое допущение требует довольно сложных реконструктивных усилий и заметных перестановок при определении хронологической последовательности всех сопутствовавших событий – усилий, на наш взгляд, излишних. Мы полагаем, что в Ипатьевской летописи имеются два описания похода на Вщиж именно потому, что его осада предпринималась дважды при несколько различавшихся обстоятельствах и, что самое существенное, с различными результатами – в первом случае весть о приближавшихся войсках Боголюбского заставила коалицию заключить вынужденный мир и отступить, однако, дождавшись ухода Андреевой помощи, князь вновь взялся за осаду города и в конце концов заставили Святослава Владимировича принять их условия. Подчеркнем, тем не менее, что ни та ни другая трактовка событий под Вщижем не влияет принципиально на интерпретацию военно-политических причин и обстоятельств брака Святослава и дочери Андрея.

²⁷ В самом деле, Глеб Юрьевич помогал Изяславу Давыдовичу еще в ту пору, когда интересы Изяслава и Глебова отца, Юрия, были диаметрально противоположны. Именно из рук Изяслава Глеб, еще не будучи связан с ним узами свойства, получил княжеский стол в Переяславле (ПСРЛ. Т. П. Стб. 476). Лишь позднее, сидя в Киеве и стремясь примириться с Изяславом Давыдовичем, Юрий Долгорукий женил сравнительно недавно овдовевшего Глеба на дочери последнего (Там же. Стб. 482). Какие бы политические цели ни преследовались в устройстве этой свадьбы, она как будто не дает ощутимых результатов ни в ближней, ни в дальней перспективе: по свидетельству летописи, Изяслав очень скоро стал замышлять военный поход против своего свата Юрия (Там же. Стб. 488–489), и лишь смерть Долгорукого нарушила эти планы. Более того, парадоксальным образом брак этот как будто бы навсегда перекрывал канал для военно-политического сотрудничества между тестем и зятем, Изяславом и Глебом, оставляя, впрочем, место для собственно семейной поддержки. Так, Глеб не отказал в приюте теще, жене Изяслава Давыдовича: «кнагини же бѣжа к зати Глѣбови Переяславлю. и штудѣ ѣха на Городокъ. та на на Глѣбъ.

ждать, что Андрей и Глеб в ту пору, когда осаждался Вщиж, действовали во всем заодно, достаточно отдаленное же свойство Изяслава и Андрея, скорее, могло служить лишь поводом для поиска союзнических отношений. Для дальнейших переговоров и взаимодействия потребовалось своего рода обновление и значительное усиление этого свойства.

Вместе с тем в перспективе более длительной для Андрея Боголюбского решающее значение могло иметь место его будущего зятя в родовой системе. В самом деле, наше восприятие Святослава Вщижского во многом детерминировано тем, что он умер рано²⁸, в сущности, мало успев самостоятельно проявить себя на политической сцене. Между тем на рубеже 1150-1160-х годов его будущность могла представляться в совершенно ином свете. Он был не только единственным племянником князя, несколько раз занимавшего киевский стол, но и вообще единственным наследником всей ветви князей Давыдовичей, потомков Давыда Святославича, которые были старше Ольговичей по изначальному родовому счету. Таким образом, в будущем в нем можно было видеть одного из серьезных претендентов как на династическое старшинство, так и на киевский стол. Не исключено, что, помимо ближайшей военной тактики, Андрей Боголюбский имел в виду и дальнюю стратегию родства с этим последним представителем дома Давыдова²⁹.

Судя по всему, отправляясь на киевский стол после смерти Юрия Долгорукого, Изяслав Давыдович собирался закрепить за племянником черниговское княжение: он оставил Святослава в Чернигове, где прежде – к неудовольствию Ольговичей – княжил его отец, Владимир Давыдович. Разумеется, в отличие от своего отца, Святослав не имел преимуществ в родовом счете по отношению к своему двоюродному дяде Святославу Ольговичу и потому после переговоров вынужден был до поры оставить Чернигов, но династическая заявка на старшинство в своем поколении была, таким образом, уже сделана³⁰. В пользу высокого потенциала Святослава Вщижского в родовой иерархии свидетельствует, на наш взгляд, и последующее настойчивое стремление представительной княжеской коалиции не вытеснить его из Вщижа,

---

та на Хороборь. та на Ропескь» (Там же. Стб. 502), – однако он больше никоим образом не помогал тестю во всех перипетиях его борьбы за Киев с потомками Мстислава Великого, не присоединившись при этом и к его противникам. В определенный момент Изяслав почти насильно потребовал от него содействия в военном походе, специально для этого подступив к Переяславлю, но и тогда Глеб отказал ему (Там же. Стб. 514).

²⁸ ПСРЛ. Т. П. Стб. 525, под 6675 г.

²⁹ Возможно, что несколько позднее, когда расстановка сил изменилась (не в пользу линии Давыда), Андрей Боголюбский счел нужным породниться и с линией Ольговичей, хотя бесспорными данными на сей счет мы не располагаем. Во всяком случае, в Ипатьевской летописи под 6675 г. обнаруживается следующее сообщение: «Том же ль^т оумре Андрѣвна. за ^Vлгомъ за Стославиче"» (Там же. Стб. 527). В работах по генеалогии Рюриковичей этот брак иногда игнорируется (*Baumgarten N. Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siecle. Roma, 1927. (Orientalia Christiana; vol. 9; no. 35)*), а иногда упоминается очень коротко с различной персональной атрибуцией его участников и, как правило, без какой-либо аргументации в пользу той или иной версии их идентификации. Очевидно, что упомянутый здесь Олег Святославич – это сын Святослава Всеволодича и внук Всеволода Ольговича, хотя иногда муж этой Андреевны ошибочно отождествляется с другим Олегом Святославичем, сыном Святослава Ольговича и внуком Олега Святославича (*Донской Д. В. Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008. С. 501, № 314; с. 516, № 342*). Однако этот последний Олег был в ту же пору женат на Агафье Ростиславне (ПСРЛ. Т. П. Стб. 524–525, 528) и, таким образом, не мог быть мужем Андреевны. Кем же была Андреевна? Список кандидатов на роль ее отца достаточно ограничен: она могла быть дочерью или Андрея Боголюбского, или его дяди, Андрея Владимировича Доброго, причем первое куда более вероятно, чем второе. В самом деле, ее муж, Олег Святославич, сын Святослава Всеволодича, появился на свет не ранее 1144 г. (его отец женился в 1143 г., см.: Там же. Т. I. Стб. 310; т. П. Стб. 313), а скорее даже несколько позднее, если Владимир Святославич (как традиционно полагают исследователи) был его старшим братом. Иными словами, он не слишком отличался по возрасту от своего родича, Святослава Вщижского. Соответственно одна из дочерей Боголюбского подходила Олегу и по годам, и по счету поколений, и по соображениям родства и свойства – они были родственниками лишь в 7-й степени, что не противоречило княжеским брачным обычаям, да и свойство между ними было в ту пору достаточно отдаленным. Если же предположить, что женой Олега Святославича была дочь Андрея Доброго, это потребует от нас слишком многих допущений. Во-первых, это был бы еще один брак между родственниками в 6-й степени; во-вторых, чтобы не быть намного старше своего предполагаемого мужа, она должна была бы появиться на свет непосредственно в год смерти своего отца или даже после его кончины в 1142 г. Помимо всего прочего, дочь Андрея Доброго по общеродовому счету оказалась бы на поколение старше своего предполагаемого жениха. Таким образом, тестем Олега Святославича, сына Святослава Всеволодича, был, скорее всего, именно Андрей Боголюбский.

³⁰ Там же. Стб. 490.

но прежде всего добиться от него признания зависимости от Святослава Ольговича – называя отцом не родного, а двоюродного дядю, вщижский князь предстал бы уже не как единственный наследник Давыдовичей, а лишь как один из весьма многочисленных представителей младшей линии Ольговичей, он как бы наперед отрекся тем самым от старшинства среди потомков основателя черниговской ветви Рюриковичей, Святослава, сына Ярослава Мудрого.

Несколько упрощая дело, можно сказать, что важнейшая цель женитьбы Святослава заключалась в том, чтобы избежать такого рода понижения династического статуса. При этом следует принять во внимание, что Боголюбский к 1159/60 г. отнюдь не имел еще тех возможностей манипулировать чужими княжескими столами и позициями в родовой иерархии, каковые он демонстрирует десятилетие спустя, и соответственно в большей мере нуждался в свойственных ему, легитимно претендовавших на верховную власть. Как мы помним, все эти надежды не оправдались, и Святослав не только не успел заявить претензий на киевский или даже черниговский стол, но скончался, по-видимому, не оставив мужского потомства. Характерно, однако, что в известии об этом событии летописец находит нужным упомянуть, что князь был внуком Давыда³¹, подчеркивая тем самым то обстоятельство, что более прямых наследников в этой линии не оставалось, и племя Давыдовичей, игравшее столь значительную роль в первой половине столетия, окончательно сошло со сцены.

Итак, постепенно перед нами вырисовываются тактические и стратегические причины этого матримониального союза между родственниками в 6-й степени, и соответственно яснее становится династический облик князя, который мог заключить столь уязвимый с канонической точки зрения брак. Как кажется, в этом династическом облике – помимо черт уникальных или сиюминутных – можно найти и черты, так сказать, типические, позволяющие понять, как и почему в домонгольской Руси заключались и другие княжеские браки подобного рода.

Оговоримся, впрочем, сразу же, что ни одна из таких типических черт не является обязательной и не обладает безусловной объяснительной силой. Тем не менее, на наш взгляд, представляется немаловажным, например, что Святослав Вщижский рано осиротел и при этом оказался главным наследником своего отца (он был, как уже говорилось, еще и единственным наследником целой родовой ветви, но это обстоятельство скорее принадлежит к числу уникальных параметров именно данной матримониальной ситуации).

Существенно также и не совсем обычное положение матери Святослава, которая отнюдь не является пассивным наблюдателем в судьбе своего сына, однако едва ли имеет возможность принимать непосредственное участие в обустройстве его свадьбы, поскольку она не только не осталась жить при нем (как это нередко случалось с овдовевшими княгинями), но и, вопреки обычной практике, вышла замуж вторично, причем брак этот решительным образом выводил ее из привычного церковно-семейного обихода Рюриковичей – вторым мужем княгини стал половецкий хан Башкорд³². Не будь этого обстоятельства и при более мирном течении дел, Все-

³¹ Этим сообщением открывается летописная статья в Ипатьевском своде под 6675 г.: «Оумре Стославъ Володимиричь въ Вщижи внукъ Двдвъ» (ПСРЛ. Т. П. Стб. 525).

³² «приде же Изаславу болши помочь к Бѣлугороду приде бо к нему Башкордъ въ к. тысячь ѿчимъ Мьславль <sic! Переправлено въ мьстиславль: сти приписано надъ строкой>. Володимирича. бѣ бо мти его бѣжала в Половци. и шла за нь» (Там же. Стб. 500–501). Правильное написание имени князя («вот-чим Святославль Володимиричь») см.: Там же. Т. XXV. С. 65. Русский князь домонгольского времени не мог жениться на вдове другого русского князя, и потому овдовевшая княгиня, побывавшая замужем за кем-либо из Рюриковичей, вынуждена была оставаться вдовой или выходить замуж за пределами Руси, за представителей иных знатных родов (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 48–55; Они же. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: Матримониальные стратегии и легенды власти // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени: материалы конф. М., 2010. С. 78–82. (Славяне и их соседи: XXV Конф. памяти В. Д. Королюка)). Чаще такое случалось с иностранками, однако вдова Владимира Давыдовича, как мы постарались продемонстрировать выше, была урожденной Рюриковной, и именно в этом отношении ее случай является уникальным подтверждением общего матримониального правила. Прежде всего весьма характерно, что указание на брак в летописи строится с помощью глагола «бѣжала» – по-видимому, на Руси просто не существовало механизма выдачи вдовы Рюриковича замуж, единственным способом осуществления этой процедуры был уход, бегство. Вместе с тем для нас не менее любопытно, что княгиня и ее новый

володковна, внучка Владимира Мономаха, которая, как никто другой, могла быть осведомлена о своем родстве с Андреем Боголюбским и его потомками, принимала бы куда более непосредственное участие в свадебном створе своего сына. Роль посредника в сватовстве с большой вероятностью играл бы и кто-то из ее кровных родственников-мужчин³³, но как в силу ее необычного повторного брака, так и благодаря молниеносно развертывавшейся картине военных действий эта сторона блюстителей генеалогической традиции оказывается как бы выведенной из игры и, следовательно, не может нести ответственность за несоблюдение брачных правил.

Разумеется, главными, кто должен был следить за соблюдением канона, были не сами князья, но венчавшие их духовные лица. Однако и здесь Святослав Вщижский волею судеб попадает в некоторый вакуум. Сватовство затеял, как мы помним, его дядя Изяслав Давыдович, прежде не только обладавший черниговским столом, но и успевший посидеть на столе киевском. В более благополучные времена каноническая регуляция такого брака должна была исходить от высших духовных иерархов, будь то киевский митрополит или черниговский епископ. Однако возможность участия кого-либо из них заметно осложнялась не только военными действиями и осадой Вщижа (не говоря уже о крайне неопределенных на тот момент властных привилегиях Изяслава), но и тем, что Русь в тот момент переживала финальный этап церковной смуты – только что скончался в Чернигове неугодный могущественному Мстиславу Изяславичу митрополит Константин, жил и здравствовал некогда смещенный со своей кафедры митрополит Клим Смолятич, а из Константинополя еще не успел прибыть на Русь новый митрополит Феодор, поставленный благодаря компромиссу между князьями, достигнутому еще при живом Константине³⁴. Черниговский же епископ Антоний, грек по происхождению, впоследствии принимавший весьма деятельное участие в родовом конфликте Ольговичей³⁵, по всей видимости, не мог принять участия в свадьбе Изяславова племянника после только что предпринятой Изяславом неудачной осады Чернигова. Скорее всего, венчать Святослава пришлось местному вщижскому духовенству или, что тоже вполне вероятно, он венчался «съ своими попы», как некогда поступил его родич, тезка и теперешний недруг Свято-

---

муж явно сохранили самые тесные контакты с оставшимся на Руси сыном Всеволодковны от первого брака – Башкорд именуется *отчимом* Святослава, что, вообще говоря, является своеобразным гапаксом, так как это единственный случай употребления данного термина свойства применительно к князю домонгольской поры в древнейших русских летописях. Что еще более удивительно, весьма тесные союзнические отношения связывали половецкого хана с бывшим деверем его новой жены, дядей Святослава Владимировича Изяславом. Дядя и племянник действовали заодно, но главенствующая роль, разумеется, принадлежала Изяславу и, как видно из приведенного свидетельства, именно ему приводит на помощь свои войска хан Башкорд. Изяславу Давыдовичу в этом случае (как и много раз прежде) помогала и другая, независимая группа половцев (ПСРЛ. Т. П. Стб. 500); вообще говоря, нам представляется весьма вероятным, что он был женат на половчанке, однако это тема отдельного разыскания. Так или иначе, неправдоподобным в этом свете выглядит допущение Д. Домбровского, согласно которому интересующая нас Всеволодковна могла бежать к половцам и от живого мужа, князя Владимира Давыдовича (*Dqbrowski D. Przyczyny i okolicznosci rozpadu ksiazeczych malzenstw na Rusi w XII–XIII w. // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 2010. Nr. 3–4. S. 362–363*). Невозможно вообразить, чтобы после такого скандального бегства Башкорд и Изяслав, брат оставленного супруга, поддерживали столь близкие дружественные связи. Кроме того, в данном допущении нет решительно никакой нужды и с точки зрения хронологии: Владимир Давыдович, как мы помним, погиб в 1151 г., тогда как упоминание о браке его вдовы с Башкордом отстоит от этого события приблизительно на 7 лет.

³³ Те примеры, когда в летописи мы имеем дело с более подробным описанием сватовства и брака, дают возможность увидеть, что в этой многоступенчатой процедуре задействовалась едва ли не целая система семейных связей, в которую вовлекались кровные родственники и свойственники с обеих сторон. Так, например, в свое время сватом со стороны князя Рюрика Ростиславича, задумавшего женить своего сына Ростислава на дочери Всеволода Большое Гнездо, выступил шурина Рюрика, т. е. брат его жены туровский князь Глеб Юрьевич (ПСРЛ. Т. П. Стб. 658). Свадебный же поезд Верхуславы Всеволодовны возглавили сын не названной по имени сестры Всеволода Яков со своей женой (Там же). Изяслав Мстиславич, взявший жену «изъ Сѹбезъ», отправил старшего сына Мстислава встречать будущую мачеху (Там же. Т. I. Стб. 341; т. П. Стб. 468).

³⁴ О княжеском решении просить Константинополь о присылке нового митрополита см.: Там же. Т. П. Стб. 503–504, о кончине Константина см.: Там же. Т. I. Стб. 349, а о прибытии митрополита Феодора см.: Там же. Стб. 514–515.

³⁵ См.: Там же. Стб. 522–523.

слав Ольгович. Как мы знаем из описания женитьбы этого старшего из Святославов, такие священники могли согласиться на то, чего не желал терпеть и признавать епископ³⁶.

В этой ситуации в целом важна, как кажется, специфическая расстановка акцентов. Мы не хотели бы утверждать, например, что мать Святослава Владимировича ничего не знала о браке сына или что духовенство, находившееся во Вщиже, не было осведомлено о запрете на союз между троюродными братом и сестрой. Мы лишь стремимся продемонстрировать, что вся совокупность семейных, церковных и политических обстоятельств этого брака сложилась так, что стимулы для данного союза были очень велики, а барьеры – весьма ослаблены.

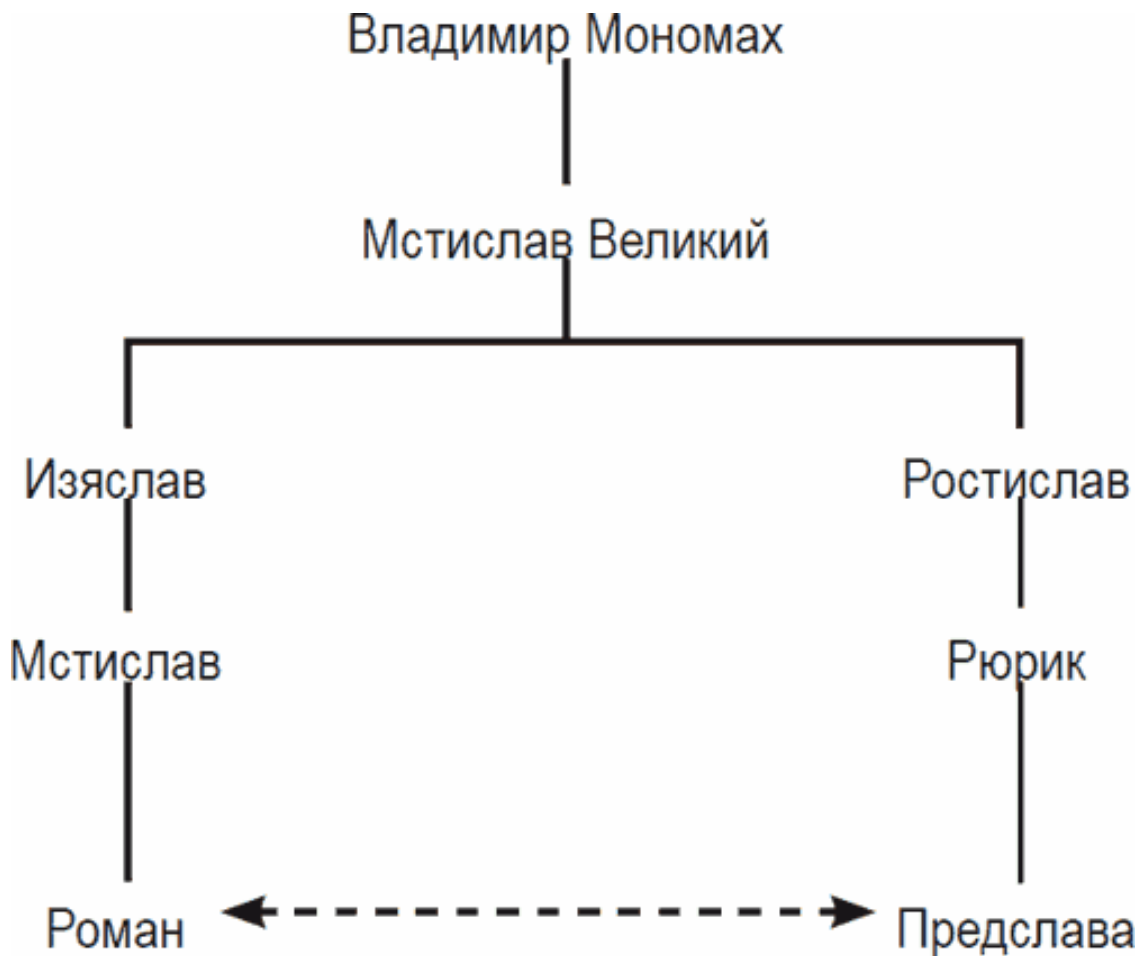
Иначе говоря, более чем наглядные и конкретные военно-политические выгоды интересующего нас брака дают нам возможность прояснить как некоторые специфические черты династического облика князя, вступавшего в брак, весьма сомнительный с точки зрения канона, так и параметры более общей ситуации. Династический потенциал жениха был весьма высок, при этом его положение отчасти дефектно с точки зрения нормального осуществления родовой традиции: отца его нет в живых, а мать в известном смысле выведена из родового контекста, сам же брак был заключен на пике общединастического раздора и на фоне вопиющих сбоев ритма церковно-канонической жизни Руси.

Роман Галицкий и Предслава Рюриковна. Сточки зрения истории брачных отношений сравнительно близким подобием Святослава Вщижского является куда более знаменитая персона – князь Роман Мстиславич Галицкий, который примерно двумя десятилетиями позднее также заключил брак со своей троюродной сестрой Предславой, дочерью Рюрика Ростиславича. В случае с Романом нет ни малейших сомнений в том, что этот матримониальный союз нарушает канонический запрет на браки с родственниками в 6-й степени³⁷, поскольку в родстве состояли отцы брачевавшихся и их деды по мужской линии, причем патрилинейная генеалогия этих потомков Мстислава Великого не содержит никаких лакун или слабых звеньев (рис. 3).

---

³⁶ Мы можем лишь гадать о том, каковы были причины отказа новгородского архиепископа Нифонта венчать князя Святослава, но зато располагаем точными сведениями и о самом отказе, и о том, каким образом князь пренебрег этим запретом: «В то же лѣто оженися Святославъ Олговиць в Новѣгородѣ, и вѣнцася съ своими попы у святого Николы; а владыка Нифонтъ его не вѣнца, ни попомъ, ни чернцмъ не да на свадьбу ити, глаголя: 'не достоить ти ея понята'» (ПСРЛ. Т. III. С. 209).

³⁷ Неканоничность этого брака отмечается в исследованиях по истории права по крайней мере с середины XIX в. Ср., например: *Неволин К. А.* Поли, собр. соч.: в 6 т. Т. 3: История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. Спб., 1857. С. 192, примеч. 658.

Рис. 3. Близкородственный брак Романа Мстиславича и Предславы Рюриковны

Отец Романа Галицкого, Мстислав Изяславич, недаром носил имя своего прославленного деда Мстислава Великого – в своем поколении он бесспорно был самым ярким из его прямых потомков. Уже во времена киевского княжения своего отца Мстислав был деятельным и весьма успешным его помощником, а позднее именно благодаря Мстиславу киевский стол удалось заполучить Ростиславу Мстиславичу его дяде. Впоследствии киевским князем станет и сам Мстислав Изяславич, хотя на этом поприще успех сопутствовал ему в меньшей мере, чем прежде, когда он добывал столы для других. Умереть ему пришлось во Владимире-Волыньском, договорившись с братом Ярославом Луцким, чтобы тому «не подозревать волости подъ дѣтми его»³⁸.

Для интересующей нас матримониальной ситуации существенно, что эти дети, потомки Мстислава Изяславича, по родовому счету имеют преимущество перед потомками сыновей Ростислава, будь то сыновья Романа, Давыда, Мстислава или Рюрика Ростиславичей³⁹, потому что их дед, Изяслав, был старшим братом Ростислава Смоленского. Как мы попытались показать выше, эти родовые преимущества были существенно усилены самой личностью Мстислава Изяславича, в свое время сотрудничавшего и спорившего на равных со своим дядей Ростиславом.

³⁸ ПСРЛ. Т. П. Стб. 559. В Лаврентьевской и Новгородской первой летописях сообщение о смерти Мстислава Изяславича помещается под 1170 г. (Там же. Т. I. Стб. 362; т. III. С. 33, 222).

³⁹ Потомство Святослава Ростиславича в источниках не упоминается. Остается предположить, что наследников мужского пола у этого князя не было.

Однако Роман Мстиславич, в отличие от Святослава Вщижского, не был единственным сыном. Какое же место Роман занимал среди братьев? Вопрос о старшинстве сыновей Мстислава Изяславича вызывает немало споров. Очевидно, что умерший в Берестье вскоре после кончины своего отца Владимир (?) Мстиславич был младше Романа⁴⁰, практически не вызывает сомнений, что младше был и Всеволод Белзский⁴¹. Неясен порядок появления на свет Романа и Святослава. Кроме того, высказывались предположения, что первенцем Мстислава мог быть еще один, неизвестный нам по имени княжич. Вызывала сомнение и законность происхождения Святослава Мстиславича (эта проблема приобретает особую значимость, если исходить из того, что он старше Романа). Для нас, однако, существенно не первородство в семье Мстислава Изяславича, а выяснение того обстоятельства, каков был родовой статус Романа к моменту его женитьбы на троюродной сестре Предславе Рюриковне⁴².

Дело осложняется еще и тем, что время заключения брака Романа и Предславы в летописях не указывается. Основанием для его датировки служит, с одной стороны, время замужества его дочери Феодоры (1188 г.), а с другой – предполагаемый брачный возраст Предславы и время возвращения Романа из Польши. В частности, Н. Баумгартен полагал, что этот союз мог быть заключен между 1183 и 1185 гг.⁴³, а Д. Домбровский – между 1178/79 и 1185 гг., считая, впрочем, наиболее вероятной датой 1182 г.⁴⁴ Нам же по соображениям, которые мы подробнее изложим ниже, 1182–1183 гг. представляются самым ранним и при этом самым вероятным временным отрезком, на который мог приходиться брак Романа и Предславы.

⁴⁰ Там же. Т. П. Стб. 562.

⁴¹ Там же. Стб. 682–683.

⁴² Едва ли не основным источником семейной истории братьев Мстиславичей в этот временной отрезок является, как известно, фрагмент «Польской хроники» Винцентия Кадлубека. Однако из-за отсутствия в нем дат и крайней скудости имен текст этот весьма труден для интерпретации и верификации. Согласно Кадлубеку, Казимир II (брат Агнешки, матери Романа) нападает на город Берестье, «решив вернуть его первородному сыну своей сестры, неоправданно изгнанному братьями из-за того, что мать, по причине скрытой ненависти, наклеветала, будто он [ей] не сын, а был подложен, когда не было надежды на потомство. Это обстоятельство, хотя и не предрешавшее вопроса, как то было на самом деле, в глазах многих показалось порочащим его имя». На помощь осажденному Берестью приходит «белзский князь Всеволод с князьями владимирскими, с галицкими боярами». Однако Казимир, которому удалось добиться «и города, и победы», ставит в Берестье того князя, которого собирался поставить изначально. «Но спустя совсем немного времени поставленный князь умирает от яда, поднесенного ему своими же. Область умершего Казимир предоставляет владимирскому князю Роману, рассчитывая на ответную уступчивость» (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. С. 311–313). Обзор различных трактовок данного свидетельства см. в работах: *Щавелева Н. И.* Польские лагиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарий / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1990. С. 127–129, примеч. 2, 3. (Древнейшие источники по истории Вост. Европы); *Dąbrowski D.* Genealogia Mscislawowiczów: Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 248–253. Если не разделять сомнений М. Грушевского в общей достоверности этого известия (*Грушевський М.* История Украши-Руси в одинадцяти томах, в дванадцяти книжках. Т. II: XI–XIII вік. Львів, 1905 (репр.: Київ, 1992). С. 574–577), то одним из главных предметов обсуждения остается идентификация не названного по имени первородного сына Агнешки. Неопределенность касается сразу двух пунктов: во-первых, был ли он и в самом деле рожден польской княжной, или приведенная здесь загадочная история свидетельствует о том, что он был незаконнорожденным сыном Мстислава и появился на свет вне этого брака; во-вторых, возможно ли отождествить его с кем-либо из упомянутых в летописи сыновей Мстислава (в таком случае наиболее вероятной кандидатурой оказывается Святослав Мстиславич), или от такого отождествления за недостатком сколько-нибудь надежных данных следует отказаться. Последний путь в свое время избрал О. Бальцер, полагавший, что нет никаких надежных оснований считать Святослава первенцем Агнешки (*Balzer O.* Genealogia Piastów. Krakow, 2005. S. 321–322). Вместе с тем ряд современных исследователей идентифицируют князя, посаженного в Берестье, как Святослава Мстиславича, и в то же время, буквально следуя источнику, считают его законнорожденным сыном Агнешки, признавая за ним, таким образом, полноправное старшинство среди братьев Мстиславичей (из последних работ, где сформулирована именно эта точка зрения, см. комментарии А.В. Назаренко в кн.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. С. 311–312, примеч. 100, 101, 106 и выводы Д. Домбровского в кн.: *Dąbrowski D.* Genealogia Mscislawowiczów... S. 248–253). Очевидно при этом, что, не ставя под сомнение показания источника о законном происхождении посаженного в Берестье князя, нет оснований сомневаться и в истинности слов Кадлубека о том, что смерть этого Мстиславича последовала незамедлительно за вокняжением на берестейском столе.

⁴³ *Баумгартен Н.А.* Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // Летопись ист. – родослов. о-ва в Москве. Вып. 1 (17). М., 1909. Сб.

⁴⁴ *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów ksiązat halicko-wolynskich. Poznan, 2002. S. 29–30. (Biblioteka Genealogiczna. Т. 6).

Не позднее этого же (1182) года погибает тот, кого Винцентий Кадлубек называет первородным сыном матери Романа (многие исследователи, напомним, отождествляют его со Святославом Мстиславичем)⁴⁵. Таким образом, даже если мы принимаем все «максимально невыгодные» для династических прав Романа допущения, которые могут быть реконструированы на основании свидетельства Кадлубека⁴⁶, то оказывается, что к моменту брака с Предславой Роман практически без сомнения обладал всеми преимуществами старшего из живших сыновей Мстислава Изяславича. Иначе говоря, и в этом отношении положение Романа во многом напоминало положение Святослава Владимировича Вщижского.

Кроме того, здесь уместно вспомнить, что еще при жизни отца Роман Мстиславич не просто играл особую роль среди своих братьев, но и оказался в некотором смысле символической фигурой в конфликте Мстислава Изяславича с кузенами Ростиславичами и целой коалицией князей впридачу – именно Романа Мстислав послал княжить в Новгород, что и послужило последней каплей в разгоравшемся раздоре, приведшем к потере Мстиславом Киева.

В то же время, если судить по имянаречению, изначальный замысел Мстислава Изяславича относительно династических функций этого сына мог быть и прямо противоположным: тот получает имя одного из своих старших двоюродных дядьев Романа Ростиславича (а его брат Святослав становится тезкой другого двоюродного дяди, Святослава Ростиславича). Такие шаги были, по-видимому, призваны скрепить союз двух ветвей потомков Мстислава Великого, хотя, когда речь идет о наречении племянника именем дяди, не всегда легко определить, имеем ли мы дело со стремлением почтить или вытеснить старшего родича из семейной иерархии⁴⁷. Характерно, однако, что имена двоюродных братьев были для Мстислава Изяславича нетривиальным образом гораздо актуальнее, чем имена братьев родных. По всей вероятности, эта актуальность была оценена и противоположной стороной – Рюрику Ростиславичу, будущему тестю Романа, без сомнения, были памятливы и обстоятельства выбора имени для племянника, и новгородское княжение Романа, когда новгородцам неожиданно удалось отразить натиск целой княжеской коалиции.

Выдав за Романа свою дочь, Рюрик не просто объединял две то тесно взаимодействовавшие, то противостоявшие друг другу ветви семьи, но символически отождествлял отношения свойства с отношениями прямого родства, именуя зятя *сыном* и перенимая тем самым права родового старшинства, которые принадлежали потомкам Изяслава в большей степени, чем потомкам Ростислава. Зять мог столь полно и буквально уподобляться сыну потому, что у него к тому моменту не только не было родного отца, но и не осталось, по всей видимости, ни родных дядьев, ни родных старших братьев.

Таким образом, у старшего из родичей, Рюрика Ростиславича, был существенный стимул для нарушения запрета на браки между родственниками в 6-й степени. Для самого Романа этот стимул, по-видимому, мог быть еще более весомым. Со времен смерти Мстислава Изяславича его юные сыновья надолго превратились в князей совершенно второстепенных, и одних только преимуществ рождения и поддержки польских родичей было явно недостаточно для того, чтобы поправить дело – коль скоро на Руси не осталось могущественных родственников, следовало искать опору в свойстве. Довольно длительное время Романа, судя по всему, вполне устраивала перспектива, согласно которой могущественный Рюрик трактовался как его отец,

⁴⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. С. 311 и примеч. 100. См. также сн. 42 в наст. гл.

⁴⁶ Напомним, что под сомнение ставилось практически все – подлинность самого рассказа, его хронологическая приуроченность, связь с Берестьем, законное происхождение упоминающегося здесь княжеского первенца, его отождествление со Святославом Мстиславичем и т. д.

⁴⁷ См. подробнее: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006. Гл. III: Стрвы и сыновцы: о наречении племянника именем живого дяди. С. 71–110. (Тр. по филологии и истории).

а Ростислав Рюрикович, который и в самом деле приходился ему троюродным братом, – как брат.

Как и в случае со Святославом Вщижским, поколение родителей со стороны жениха едва ли могло воспрепятствовать такого рода несоблюдению брачного канона – не только потому, что отца Романа уже не было в живых, но и из-за того, что его мать, рано овдовевшая польская княжна, оставалась во многом чужой для семейного и церковного обихода Рюриковичей и едва ли могла бы настаивать на строгом исполнении их традиций и церковных правил там, где это непосредственно противоречило интересам ее сына⁴⁸.

Что же касается стороны невесты, Предславы Рюриковны, то здесь существовало еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое, помимо всех указанных выше династических выгод, значительно помогло ее родителям, Рюрику и Анне, решиться на нарушение канона. Дело в том, что сами они, судя по всему, приходились друг другу троюродными братом и сестрой (об этом союзе см. ниже). Таким образом, в браке дочери Рюрик и Анна в известном смысле воспроизводили ситуацию собственного брака, некогда уже получившего санкцию старших родичей и церкви.

Вполне вероятно, что этот прецедент обладал определенной аргументативной силой и для духовников княжеской семьи, которые играли весьма важную роль в ее церковной жизни. Какова же, однако, могла быть позиция в этом деле высших духовных иерархов? Предположительная датировка венчания Романа и Предславы весьма недалеко отстоит от времени первого упоминания в летописи митрополита Никифора II (1183)⁴⁹. Как это нередко бывает, мы не знаем, сколь долго Никифор уже пробыл на Руси к тому моменту когда его имя появляется в этой погодной статье в связи с поставлением нового игумена Печерского монастыря, однако нам представляется весьма вероятным, что именно при нем был заключен брак Романа с дочерью Рюрика. Хотя бесспорных доказательств его участия в этом деле не существует, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что именно при нем была обвенчана в Киеве родная сестра Предславы, которая также вышла за своего троюродного брата, князя Глеба Святославича⁵⁰ (об этом союзе см. ниже). В то же время именно к Никифору позднее Роман, поссорившись с тестем, обращается за посредничеством в примирении⁵¹. Естественно предположить, что никогда не княживший в Киеве сын Мстислава Изяславича именно потому прибегал к помощи киевского митрополита в конфликте с отцом своей жены, что тот в свое время как-то участвовал в деле устройства их брака, если не непосредственно венчал эту чету.

Известно, кроме того, что Никифору случалось проявлять определенную толерантность к некоторым отклонениям от брачного канона. Так, именно при нем был заключен союз между Ростиславом Рюриковичем и *восьмилетней* дочерью Всеволода Большое Гнездо⁵². В летописи отмечается и эпизод, когда этому митрополиту на ранних этапах своей деятельности пришлось отступить перед волей князей в деле поставления епископа (хотя самое это описание позволяет увидеть, что митрополит подчинился отнюдь не сразу и весьма неохотно)⁵³.

---

⁴⁸ Если принимать буквально свидетельство Кадлубека, то, видимо, она желала обеспечить как можно больше привилегий именно Роману, объявляя другого своего отпрыска незаконным. Тем больше уверенности, что Агнешка не препятствовала заключению выгодного для Романа брака.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. П. Стб. 627–628, под 6690 г. Относительно датировки 1183 г. см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 195.

⁵⁰ Обратим внимание, что сообщение о браке двух сыновей Святослава Всеволодича, Глеба и Мстислава, открывает ту погодную статью в Ипатьевской летописи, где мы обнаруживаем первое упоминание митрополита Никифора II.

⁵¹ См.: ПСРЛ. Т. П. Стб. 687–688.

⁵² См.: Там же. Т. I. Стб. 407; т. П. Стб. 658.

⁵³ См.: Там же. Т. I. Стб. 390–391; т. П. Стб. 629–630. Как известно, в Лаврентьевской летописи действия митрополита трактуются таким образом, что он противился рукоположению княжеского кандидата Луки, поскольку уже поставил другого епископа, Николая Гречина, за плату («на мьздѣ»). Если допустить, что перед нами не тенденциозность источника, а отражение действительного положения дел, то толерантность святителя в деле заключения неканонических браков предстает в несколько ином свете и оказывается чрезвычайно легко объяснимой.

Позднее Никифор, по-видимому, действовал в полном согласии с князьями, во всяком случае с Рюриком Ростиславичем, когда дело касалось выбора кандидатуры на епископскую кафедру – поставление Андриана, духовного отца Рюрика, в епископы Белгорода может служить наглядным тому подтверждением⁵⁴. В целом из всей совокупности летописных упоминаний этого митрополита вырисовывается облик иерарха, принимавшего деятельное участие не только в собственно церковной, но и в княжеской жизни, хорошо ориентировавшегося в местных условиях и обычаях и склонного скорее следовать им, нежели их искоренять.

С точки зрения хронологии, возможно допустить, впрочем, что и брак Предславы Рюриковны, и даже брак ее сестры (что менее вероятно) были заключены непосредственно перед приходом Никифора на Русь и, стало быть, обустроены, подобно женитьбе Святослава Вщижского, в отсутствие главы местной церкви. В таком случае Никифор просто счел нужным поддерживать то, что нашел уже свершившимся, и в течение долгих лет – даже в ситуации фактического разрыва между Романом и Предславой – стремился скорее сохранить, а не упразднить этот брак⁵⁵.

Так или иначе, в истории заключения данного матримониального союза, помимо всех обстоятельств, роднящих его с историей женитьбы Святослава Владимировича Вщижского, немалую роль, по-видимому, играл прецедент как таковой, специфика брака родителей невесты, – ведь именно ее сторона, при отсутствии полноценной родовой опоры у рано осиротевшего жениха, несла значительную ответственность за легитимность заключаемого союза.

Рюрик Ростиславич и Анна Юрьевна. Будь в нашем распоряжении известие лишь о двух уже рассмотренных княжеских браках между родственниками в 6-й степени (Святослава Вщижского с Андреевной и Романа с Предславой), мы могли бы утверждать, что знаем едва ли не все о причинах такого рода нарушения канона у Рюриковичей – столь многое сближает два этих эпизода и так много в них политических и семейно-династических обстоятельств, подталкивающих к подобному нарушению. Однако существуют по крайней мере еще два матримониальных союза такого же типа, далеко не столь разительно схожих с теми, что мы рассмотрели выше, и потому заметно осложняющих картину брачной жизни русских князей XII в.

Как уже упоминалось, один из таких союзов – это брак Рюрика Ростиславича и Анны Юрьевны, родителей Предславы⁵⁶. Самый акт его заключения в летописи не зафиксирован. По предположению исследователей, они поженились, по-видимому, не позднее 1169 или 1170 г. и не ранее середины 1160-х годов. Первая из этих дат вычисляется на основании возраста детей Рюрика и Анны: Ростислав Рюрикович появился на свет, как известно, в апреле 1172 г.⁵⁷, а та его сестра, которая, согласно летописи, была выдана замуж в 1183 г., скорее всего была несколько старше. Предслава же Рюриковна, точного времени замужества которой мы, как уже говорилось, не знаем, по всей видимости, незначительно отличалась от них

---

⁵⁴ Текст летописного сообщения не оставляет никаких сомнений в том, что поставление свершилось по воле князя: «Того же лѣт престависа епископъ Бѣлгородский Максимъ. Рюрикъ же в него мѣсто постави епископъ ища своего дхвнаго игумена стго Михаила. Андрѣяна Выдобычиского» (Там же. Стб. 666). Мы знаем также, что позднее митрополит Никифор специально приезжал в Белгород, чтобы участвовать вместе с Андрианом в освящении церкви, выстроенной Рюриком, который также присутствовал на торжествах с женой и детьми (Там же. Стб. 706). Сам же Андриан приезжает в Киев, чтобы освятить с митрополитом церковь, возведенную Рюриком-Василием во имя своего патронального святого (Там же).

⁵⁵ Об обстоятельствах распада этой княжеской четы см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. 2012. Вып. 10. С. 135–169.

⁵⁶ Тот факт, что все дети Рюрика были рождены в браке именно с Анной, давно не вызывает сомнений у исследователей. Хотя в источниках она не именуется напрямую матерью кого-либо из них (такие указания, как известно, достаточно редки для древнейших русских летописей), именно Анна названа бабкой Евфросинии Измарагд, дочери Ростислава Рюриковича (ПСРЛ. Т. П. Стб. 708; там же как тетка новорожденной княжны охарактеризована Предслава Рюриковна). Более подробную аргументацию, устанавливающую связь Анны Юрьевны с ее детьми, см., например, в работе: *Dqbrowski D. Genealogia Mscislawowiczów...* S. 418–419.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. П. Стб. 567.

по возрасту, так как дата ее брака, скорее всего, недалеко отстояла от даты свадьбы сестры (см. выше) – малолетняя дочь Пред славы уже в 1188 г. была выдана замуж. При этом Рюрик едва ли мог жениться на Анне ранее 1164–1165 гг., так как в 1162/63 г. состоялся его предыдущий брак с дочерью половецкого князя Белука⁵⁸.

Таким образом, у нас нет точных данных о том, были ли живы родители Рюрика к моменту его женитьбы на Анне, ведь о матери этого князя ничего не известно, а отец скончался в 1167 г.⁵⁹ Можно ли предположить, что Рюрик успел осиротеть до заключения повторного брака? В пользу этого допущения свидетельствует, например, отсутствие упоминания о его свадьбе в летописях (оставаясь он еще сыном правящего киевского князя, такое упоминание было бы ожидаемым), однако фиксация в летописи княжеских браков велась далеко не так последовательно, чтобы какие бы то ни было лакуны могли служить надежным доказательством той или иной версии.

Возможно, более знаменателен другой факт: незадолго до своей смерти Ростислав Мстиславич собирает целую княжескую коалицию для похода к Каневу, а затем объезжает ряд родственников и свойственников⁶⁰. Однако ни отец Анны, ни ее многочисленные братья не упомянуты ни среди участников похода, ни в числе родни, с которой успел повидаться Ростислав. Подобная невключенность в семейные и политические предприятия Ростислава была бы труднообъяснимой, если к тому времени туровские князья успели вступить с ним в отношения близкого свойства. Таким образом, нам представляется более вероятным, что второй брак Рюрика был заключен после кончины его отца Ростислава.

Существенно также, что у нас нет определенных данных и о том, был ли жив к моменту заключения брака отец невесты – князь Юрий Ярославич Туровский (внук Святополка Изяславича). Последнее упоминание о нем мы находим в связи со свадьбой другой его дочери, Мальфриды Юрьевны, которая состоялась в 1166/67 г.⁶¹ Зато хорошо известно, что теща Рюрика, жена Юрия Ярославича, была жива и два с лишним десятилетия спустя, на рубеже 1190–1191 гг., а зять и внуки поддерживали с ней и ее сыновьями весьма близкие отношения. Учитывая эту близость, а также весьма тесные последующие связи Рюрика со своими шурьями⁶², можно допустить, что именно они-то, мать и братья, и выдавали Анну Юрьевну замуж за Рюрика. Соответственно Юрий Ярославич ушел из жизни довольно скоро после замужества Мальфриды Юрьевны.

⁵⁸ Там же. Стб. 522.

⁵⁹ Там же. Т. I. Стб. 353; т. II. Стб. 532.

⁶⁰ Там же. Стб. 527–529.

⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 527, под 6675 г.

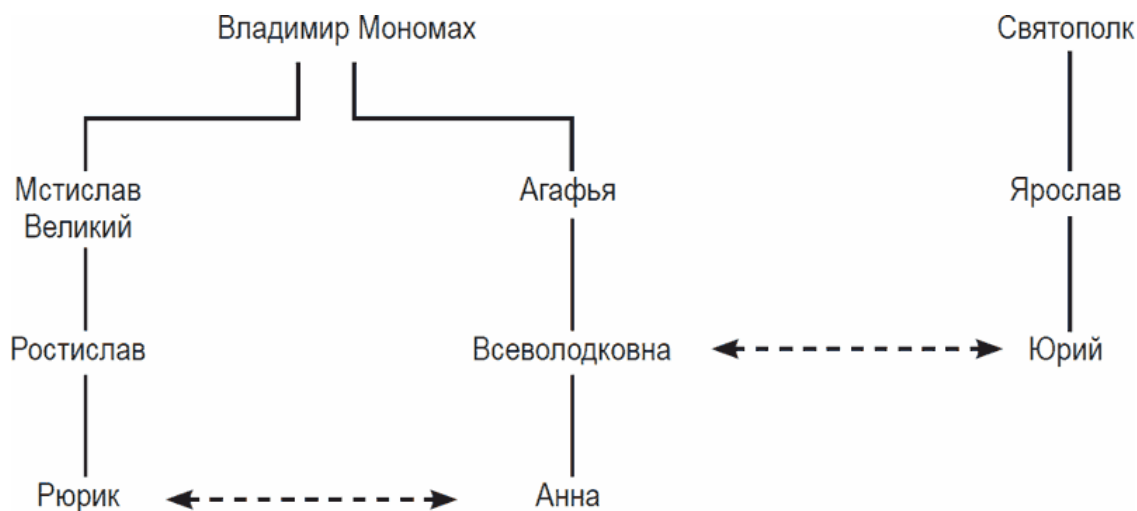
⁶² Судя по летописным сообщениям, Рюрик был весьма близок с братьями жены. Двух из них он хоронит в Киеве в Михайловском Златоверхом монастыре, построенном их прадедом Святополком-Михаилом: «Престависа князь Стополкъ снь Гюргевъ. шюринь Рюриковъ. мѣца. априла. въ. Ѡи. днь. и положень быѣ во цркви стго Михаила. Златовѣрхаго» (Там же. Стб. 665), – с этим князем Рюрик ходил в военные походы в пору юности, не только до женитьбы на его сестре Анне, но еще до своего первого брака с половецкой княжной (Там же. Стб. 521); «Тое же зимѣ престависа блговѣрньш князь Глѣбъ Тоуровски шюринь Рюриковъ. снь Гюргевъ мѣца марта. и привезоша и в Кѣевъ. и стрете и митрополить Киевьскии. игоумени вси. и кнзь великыи Рюрикъ Кѣевьскии и тако проводиша со шбѣичными пѣсми. и пожалова Рюрикъ шюриня своего. бѣ бо любимъ емоу. и спрѣтаваше тѣло его. положиша во цркви стго Михаила Златовѣрхаго» (Там же. Стб. 694). Характерно, что свойство Глеба Юрьевича с киевским князем Рюриком упомянуто здесь перед указанием на то, что покойный был сыном Юрия Ярославича. В то же время и для самого Рюрика свойство с турово-пинскими князьями, судя по частоте его упоминания в летописи, играло довольно существенную роль. Именно Глеб Юрьевич в свое время ездил сватом к Всеволоду Большое Гнездо, устраивая брак своего племянника Ростислава, сына Рюрика (Там же. Стб. 658). Сам Рюрик с сыном Ростиславом гостил в Пинске у своей тещи и шурьев, на свадьбе еще одного брата своей жены, Ярополка: «Ростиславъ же <...> в борзѣ еха къ шщю въ Вроучии. шщ бо кго бѣаше пошель на Литву и быѣ в Пинески оу тещи своей и оу шюрѣи своей тогда бо бѣаше свадьба. Мрополча...» (Там же. Стб. 672). В качестве еще одного (но косвенного) доказательства связи детей Рюрика с турово-пинскими князьями исследователи приводят летописное сообщение о том, что Роман Мстиславич Галицкий в ту пору, когда его брак с Предславой Рюриковной был еще в силе, потеряв Галич и отправившись за помощью в Польшу, «жену поусты во Вроучии. с Галичаньками. на Пинескъ» (Там же. Стб. 661).

Иначе говоря, в целом мы склонны несколько сузить предложенные первоначально хронологические границы и предположить, что свадьба Рюрика и Анны состоялась в ту пору, когда жених и невеста лишились своих отцов, т. е. приходилась приблизительно на 1168–1170 гг., что, как было показано выше, хорошо согласуется с хронологией появления на свет их детей и, кроме того, легко вписывается в схему двух браков Рюрика Ростиславича, не требуя от исследователя допущений, будто бы он в первый раз овдовел, едва успев жениться, и немедленно вступил в новый брак.

О матери Рюрика не известно решительно ничего, и потому мы при всем желании не можем определить ее роль в деле заключения матримониального союза ее сына с Анной. Кроме того, если учесть, что в весьма подробном рассказе Лаврентьевской летописи о кончине Ростислава Мстиславича, его погребении и взаимодействии с сыновьями незадолго до смерти ничего не говорится о его жене (хотя сестра Ростислава, например, не только фигурирует в этом рассказе, но даже названа по имени), то скорее всего мать Рюрика умерла прежде своего мужа. Если наши догадки верны, то оказывается, что основным прямым старшим родичем, своеобразным хранителем и воплощением семейной традиции, ответственным за заключение этого брака, была мать невесты, вдова (?) Юрия Ярославича.

Существенно, однако, что именно происхождению этой княгини и обязаны Рюрик и Анна своим чрезмерно близким для мужа и жены родством. Матерью Анны, по всей видимости, была не кто иная, как еще одна Всеволодковна, дочь Агафьи Владимировны и родная сестра матери Святослава Вщижского, одного из главных героев нашего исследования. Как мы помним, обе сестры Всеволодковны были выданы замуж «Судиной недѣлѣ»⁶³ на рубеже 1144 и 1145 гг., одна за Владимира Давыдовича, другая – за Юрия Ярославича Туровского. Обе они были внучками Владимира Мономаха (об этом см. выше), соответственно их дети, как Святослав, так и Анна, приходились Мономаху правнуками.

Правнуком Мономаха был, со всей очевидностью, и Рюрик Ростиславич, внук Мстислава Великого, и, следовательно, перед нами вновь брак между троюродными братом и сестрой (рис. 4).

Рис. 4. Близкородственный брак Рюрика Ростиславича и Анны Юрьевны

Если взглянуть на все эти факты в другой генеалогической перспективе, то получается, что родной племянник матери Анны (тещи Рюрика Ростиславича) некогда уже заключил брак в 6-й степени родства, а теперь и его кузина Анна была отдана замуж таким же образом. Данное

⁶³ ПСРЛ. Т. П. Стб. 317, под 6652 г.

обстоятельство является, по-видимому, самым достоверным и, на наш взгляд, едва ли не наиболее существенным в ситуации, связанной с браком Рюрика. В самом деле, верны или нет наши допущения относительно времени кончины остальных старших родичей брачевавшихся, участие туровской княгини (урожденной Рюриковны, пользовавшейся неизменным почетом у своих детей, зятя и внуков и много лет спустя после интересующих нас событий) в обустройстве этой свадьбы никаких сомнений не вызывает. При этом именно в ее семье мы находим образец или, лучше сказать, прецедент, самим фактом своего существования смягчающий недопустимость замысла брака между родственниками в 6-й степени.

С этой точки зрения совершенно неважно, был ли Святослав Вишижский жив к моменту женитьбы Рюрика на Анне – в цепочке родовых образцов родичи умершие играли отнюдь не меньшую роль, чем родичи живые: важно, что факт его женитьбы на троюродной сестре уже однажды имел место. Помимо всего прочего, следует еще раз подчеркнуть, что в структуре княжеского сватовства, свадебных приготовлений и свадьбы как таковой роль родства и родственных связей через женщин предельно актуализируется и даже гипертрофируется – роль сына тетки, например, или дяди по матери оказывается одной из самых значимых, достаточно вспомнить здесь более подробно описанную в источниках процедуру заключения брака между сыном Рюрика и дочерью Всеволода Большое Гнездо⁶⁴.

Разумеется, исходя из того, что нам известно о других браках между родственниками в 6-й степени, можно допустить, что этот союз сулил какой-либо из сторон заметные преимущества в текущей политической ситуации. Однако в данном случае не надо, на наш взгляд, слишком настойчиво привлекать их для объяснения близкородственного брака: поскольку нам ничего не известно о конкретном времени его заключения, объяснения из области сиюминутной прагматики будут заведомо обречены на чрезмерную реконструктивность⁶⁵.

Что же касается более длительной династической стратегии, то здесь, на наш взгляд, необходимо учитывать, что в свое время Юрий Ярославич Туровский был одним из самых упорных и при этом весьма независимых и успешных врагов всей линии наследников Мстислава Великого. Напомним, в частности, что в 6657 г. он, по свидетельству летописи, выступал яростным противником примирения между Юрием Долгоруким и племянниками последнего – прежде всего Изяславом Мстиславичем, но, по-видимому, и Ростиславом Мстиславичем⁶⁶. Эта вражда длилась долгие годы⁶⁷. Ростиславу Мстиславичу, при всей его политической гибкости, удалось заключить мир с туровским князем лишь в 6670 г., на третий год своего повторного киевского княжения. Очевидно, что поддержание столь нелегко давшегося мира отнюдь не теряло актуальности для наследников Ростислава Смоленского и Юрия Туровского⁶⁸.

⁶⁴ См. выше примеч. 33.

⁶⁵ Привлекательность высокого династического статуса жениха или невесты в данном случае не являлось столь очевидной причиной брака между троюродными, как, например, в матримониальной истории Романа Галицкого или Святослава Вишижского, хотя, разумеется, полностью сбрасывать ее со счетов не следует. В самом деле, отец Рюрика умер киевским князем, поэтому для родни его невесты, туровских правнуков Святополка Изяславича, этот союз был предприятием достаточно многообещающим, однако нечто подобное можно сказать едва ли не о большинстве внутридинастических браков русских князей в XII столетии. Рюрик, помимо всего прочего, не был старшим сыном, более того, ко времени женитьбы он далеко уступал по положению в династии и реальным властным возможностям своему кузену Мстиславу Изяславичу.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 323, 326; т. П. Стб. 388, 392.

⁶⁷ Заметно позднее Юрий Долгорукий отправил именно Юрия Туровского на Мстислава Изяславича, сына Изяслава Мстиславича (Там же. Т. I. Стб. 345; т. П. Стб. 479). Впоследствии целое объединение князей затеяло военные экспедиции, пытаясь отнять у Юрия Ярославича Туров, но не преуспело в этом (Там же. Стб. 491–492, 510). Непосредственным участником одной из таких экспедиций был и молодой Рюрик Ростиславич.

⁶⁸ Любопытно, что первый брак Рюрика Ростиславича состоялся на следующий год после заключения мира с Юрием Ярославичем, однако, как мы помним, отец женил его на половецкой Белоковне, а отнюдь не на туровской княжне. Возможно, такое предпочтение объясняется большей важностью перемирия с половцами или тем, что ни одна из незамужних дочерей Юрия не вошла еще в брачный возраст. Не исключено, однако, что при жизни отцов женитьба сына киевского князя на троюродной сестре казалась неприемлемой.

Наиболее существенными же представляются географические преимущества, проистекающие от этого союза. Овруч, являвшийся, по-видимому, неотъемлемым наследственным владением Рюрика и служивший ему резиденцией на разных этапах его переменчивой судьбы, находился в непосредственной близости от туровского княжества, родового владения отца Анны и ее братьев. Если учесть ту особую приверженность, которую Рюрик питал на протяжении всей жизни к своему Овручу, и роль своеобразной транспортно-стратегической оси, пролежавшей через этот город (от Киева к Турову и Пинску), то преимущества эти кажутся весьма немаловажными. Весьма значима также и ничем не омраченная на протяжении долгих лет дружба с соседями-свойственниками, братьями Анны Юрьевны, приобретенная благодаря этому союзу⁶⁹. Подчеркнем еще раз, что данный брак мог сулить и куда более весомые немедленные политические результаты, но мы о них просто ничего не знаем. Обустройство же этого союза, о начале которого в источниках не сохранилось никаких сведений, заведомо зиждется, как уже говорилось, на существовании семейного образца, брака между родственниками в 6-й степени родства.

Глеб Святославич и Рюриковна. Итак, мы знаем, что двое родных внуков Агафьи Владимировны, Святослав и Анна, и ее родная правнучка, Предслава, вопреки каноническому запрету вступили в брак с троюродными. Показательно, однако, что еще один из весьма немногочисленных достоверно известных союзов между родственниками в 6-й степени был заключен, как уже упоминалось, еще одной родной правнучкой Агафьи, сестрой Предславы Рюриковны.

Этот брак зафиксирован в Ипатьевской летописи под 6690 г. [= 1183/84]⁷⁰. Политические стимулы для его заключения совершенно очевидны и очень высоки, «смягчающие» же обстоятельства в данном случае сведены, казалось бы, к минимуму. Перед нами довольно типичная для 1180-х годов ситуация, когда женитьба детей скрепила мирное соглашение между старшими⁷¹, да еще какими старшими! Две свадьбы, совершаемые одновременно, служат залогом дружественных отношений между тремя наиболее могущественными ветвями рода Рюриковичей – княживший в Киеве Святослав Всеволодич, глава черниговского дома, посватал за одного из своих сыновей дочь Рюрика Ростиславича, потомка Мстислава Великого, тогда как другому сыну попросил в жены свояченицу Всеволода Большое Гнездо, наследника младшей линии Мономашичей, и «бы^с же бракъ великъ»⁷².

Непосредственная связь между политическими договоренностями и данными матримониальными союзами эксплицитно выделяется в летописном тексте. Рюрик, признавая не родовое, но возрастное старейшинство Святослава («...бѣ бо Стославъ старѣи лѣтъи»), уступает тому Киев, оставляя за собой всю Русскую землю, и «оутвердившеса кр^стмъ ч^стнѣмъ. и тако живаста оу любви. и сватьствомъ шбоуемшеса»⁷³. Этот план мог быть реализован благодаря практически одновременно происходившему примирению Святослава Всеволодича с Всеволодом Большое Гнездо: тот отпустил из плена Глеба Святославича, которому предстояло стать

⁶⁹ Своеобразный сбой в отношениях с турово-пинскими свойственниками впервые произошел, по-видимому, лишь в ту пору, когда братья Анны уже сошли со сцены и Туров принадлежал ее племянникам, Святополчичам, а сама она пребывала в великой схиме (Там же. Т. I. Стб. 429).

⁷⁰ Там же. Т. П. Стб. 624–625. О дате см. также: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 201.

⁷¹ Иначе говоря, союз устанавливался в первую очередь «по горизонтали», между родителями жениха и невесты, а не между старшим и младшим свойственниками (как это было в случае с Рюриком и Романом Мстиславичем). Характерно, что Глеб Святославич всегда оставался под покровительством своего отца Святослава и сравнительно редко пользовался непосредственной поддержкой своего тестя Рюрика. При столкновении интересов Рюрик явно отдавал предпочтение другому своему зятю, Роману, и не способствовал возвышению Глеба. Помимо всего прочего, отношения свойства между Рюриком и Глебом гораздо реже актуализируются в летописи с помощью специальных терминов (*тесть, зять*), тогда как Рюрик и отец Глеба Святослав регулярно именуются *сватами* (подробнее см. примеч. 75 на с. 62).

⁷² Приведем соответствующую схему:

⁷³ ПСРЛ. Т. П. Стб. 624.

зятем Рюрика, и заключил договор с самим Святославом, сватая за другого его сына (Мстислава) находившуюся у него на попечении сестру жены.

Трудно переоценить значение того равновесия, которое достигалось благодаря договору и свойству, возникшему между столь могущественными ветвями правящего дома (напомним, что примерно в ту же пору зятем Рюрика Ростиславича становится еще и будущий галицкий князь Роман Мсти слав ич). Вопрос заключался лишь в его продолжительности. Однако и здесь в течение довольно долгого времени дело обстояло относительно стабильно, особенно же прочными казались отношения между Святославом и Рюриком, причем свидетельства об их совместных предприятиях достаточно регулярно сопровождались в летописи напоминанием о том, что они состояли между собой в тесном свойстве. Так, в частности, с апелляции к таким отношениям разворачивались многочисленные замыслы князей относительно экспедиции против половцев; любопытно, что иной раз летописец представляет дело так, будто свойство побуждало Святослава Всеволодича к подобному походу, а родство препятствовало⁷⁴. Эти же напоминания о свойстве служили своего рода средством примирения в ту пору, когда между Рюриком и Святославом возникали конфликты и противоречия, никогда не приводившие, впрочем, к окончательному разрыву⁷⁵.

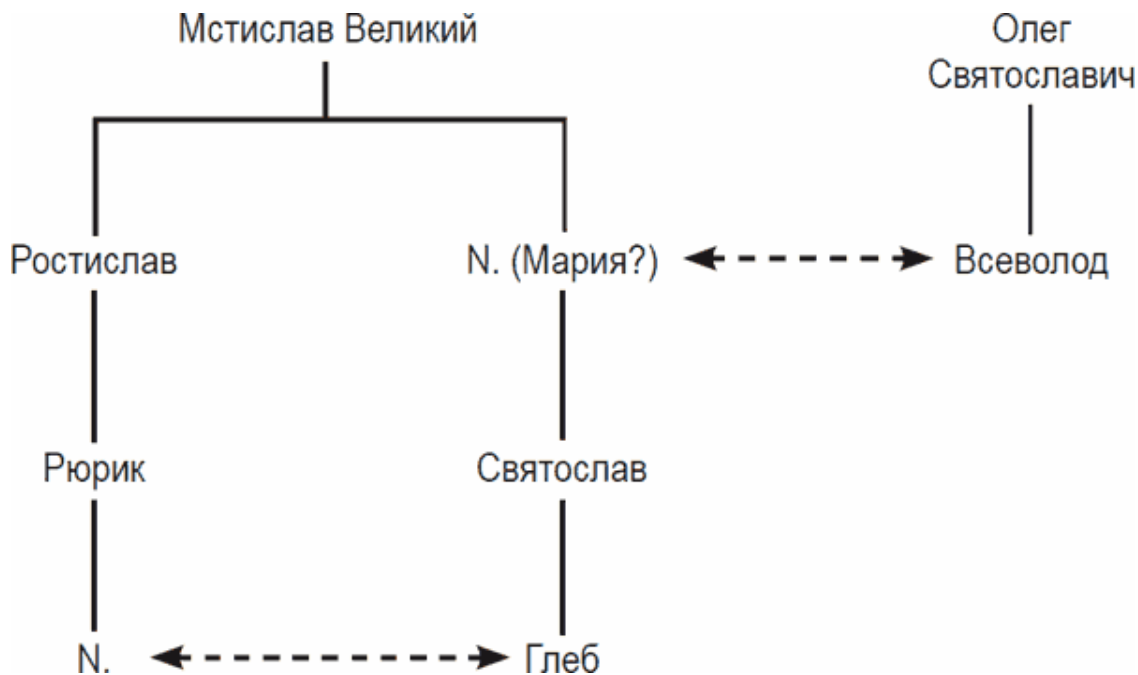
Очевидно, однако, что их дети, Глеб Святославич и не названная по имени дочь Рюрика, состояли в 6-й степени родства, поскольку Глеб был внуком Всеволода Ольговича и его жены, дочери Мстислава Великого, и соответственно приходился Мстиславу правнуком. Невеста же Глеба была внучкой Ростислава Мстиславича Смоленского, а следовательно, Мстислав Великий был и ее прадедом (рис. 5).

Весьма существенно, что, в отличие, например, от разбиравшихся выше эпизодов с Романом Галицким и Святославом Вщижским, все старшие родичи были налицо, жены Рюрика и Святослава по происхождению принадлежали к княжескому роду, и, таким образом, все могли участвовать в обустройстве этого брака, считаясь родством. Иными словами, отсутствие или неведение ни для кого из родственников брачевавшихся не могло послужить хотя бы формальным оправданием.

---

⁷⁴ Мы имеем в виду эпизод, когда князя лютой зимой преследовали половцев, разорвавших черниговские земли, и Ярослав Всеволодич (родной брат интересующего нас Святослава) не захотел идти далее, тогда как Рюрик призывал воспользоваться чрезвычайно удобным случаем и напасть на неприятеля, находившегося всего в полудне пути, причем предлагал своему свату совершить такой бросок вдвоем, даже если остальные князья не решатся на это («...brate и сватоу. намъ было. сего оу Ба просити»). Святославу же, по словам летописца, «любо бы^ѣ и ре^ѣ емоу. азъ есмь брате готовъ есмь всегда. и нынѣ», однако он попросил Рюрика уговорить и Ярослава, в чем тот, не смотря на длительные убеждения, так и не преуспел. Продолжение похода не состоялось – «Стославъ же хотѣ ити с Рюрикомъ. но не ѡста брата Ѧрослава. и возвратишася во своаеси» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 653–654).

⁷⁵ Ср., например: «...и радъ бы^ѣ емоу Стославъ. такъ же и Рюрикъ свать его» (Там же. Стб. 651); «Сдоумавъ князь Стославъ. со сватомъ своимъ Рю-рикомъ. поити на Половцѣ...» (Там же. Стб. 652); «Тоѣ же зимы Стославъ сославъся с Рюрикомъ. сватомъ своимъ. и сдоумама ити на Половцѣ...» (Там же. Стб. 653); «Рюрикъ же поча слати ко Стославоу поноуживае его. река емоу брате и сватоу...» (Там же. Стб. 654); «Стославъ бо тѣмъ прашедѣся. брате и сватоу. азъ сна своего послалъ. не на та поводитъ корола. но азъ послалъ на свое ѡрудье. аже хочеть («хочешь» в Хлебниковском и Погодинском списках) ити на Галичъ. да се азъ с тобою готовъ» (Там же. Стб. 663); «Того же лѣта Стославъ. сватомъ своимъ с Рюрикомъ. оутишивъша землю Роускоюу. и По-ловци примирившя в волю свою. и сдоумавша и идоста на ловы. по Днепрю в лодѣхъ. на оустѣе Тесмени. и тоу ловы дѣавша. и ѡбловишася множествомъ звѣрѣи. и тако наглоумистася. и во любви пребывста. и во весельи по вса дни. и возвратишася во своаеси» (Там же. Стб. 668); «ѡнъ же <Святослав Все-володич. – А. Л., Ф. У.> <...> вела са постричи в черныци. и посла по свата по Рюрика и престависа. мѣца июла» (Там же. Стб. 680).

Рис. 5. Близкородственный брак Глеба Святославича и дочери Рюрика Ростиславича

Брак Глеба заключался в Киеве, в мирный период, на виду у всего духовенства. Несомненно, митрополичья кафедра в ту пору не пустовала, так как интересующее нас летописное известие о двух свадьбах помещено под одним годом с сообщением о том, что митрополит Никифор собственной рукой совершил пострижение Василя, становившегося игуменом Печерского монастыря⁷⁶. Хорошо осведомлен о семейной ситуации Рюрика был, несомненно, и его духовник Андриан, пользовавшийся на протяжении многих лет заботами и почетом со стороны своего духовного сына⁷⁷. Напомним, что примерно в тот же период, когда Глеб женился на своей троюродной сестре, еще одна дочь Рюрика, Предслава, также была выдана замуж за своего троюродного брата Романа Мстиславича (см. выше).

Мы полагаем, что в этой (уже достаточно поздней по времени) ситуации браков между родичами в 6-й степени речь шла как раз о прекрасном знании собственной семейной истории, и именно она, в сущности, и санкционировала эти канонические нарушения. Помимо всего прочего, брак одной из сестер мог служить дополнительным прецедентом для дозволения замужества второй из них⁷⁸. Таким образом, в семейно-родовой перспективе Анны, а во многом и ее мужа Рюрика, события развивались в виде своеобразного каскада – сначала на троюродной сестре женили ее кузена Святослава Вщижского, затем за троюродного брата выдали ее самое, и наконец, в браки с троюродными вступили одна за другой две ее дочери.

Разумеется, в деле участвовали не одни только родители невесты. Напомним, однако, что отец жениха в процессе затеваемого сватовства получал не что иное, как Киев, давний предмет его политических устремлений. Такое приобретение, чрезвычайно ценное само по себе, нуждалось, помимо всего прочего, в надежном закреплении, и свадьба детей служила привычной (хотя, разумеется, далеко не абсолютной) гарантией стабильности положения князя на киевском столе, некогда принадлежавшем его отцу Всеволоду Ольговичу.

⁷⁶ Там же. Стб. 628.

⁷⁷ Ср. выше, примеч. 54 на с. 51.

⁷⁸ Поскольку существовала практика отправления невесты к жениху, свадьбы сестер едва ли могли состояться в одном и том же месте и ровно в одно и то же время, хотя, как мы попытались продемонстрировать выше, хронологическая дистанция между ними могла быть невелика.

Что касается жены Святослава, мы располагаем весьма редким для русского летописания свидетельством, согласно которому эта княгиня не была сосредоточена исключительно на обиходной и церковной сторонах жизни своей семьи, но во многом разделяла честолюбивые военно-политические замыслы мужа, а возможно, и провоцировала их. Во всяком случае, в свое время решение перейти Днепр ради мести за своего сына Глеба, захваченного Всеволодом Большое Гнездо, и вытеснения Рюрика и Давыда за пределы Русской земли Святослав принимает, «сдоумавъ с кнагиною своею. и с Кочкаремъ. милостьникомъ», в обход той части своего окружения, с которой князю обыкновенно надлежало советоваться⁷⁹. Естественно предположить, что в тот момент, когда ситуация готова была разрешиться едва ли не к наибольшей выгоде Святослава и его сын получал свободу а он сам – примирение и с Всеволодом, и с Рюриком и киевский стол впридачу княгиня поддерживала такое развитие событий и не возражала против свадьбы Рюриковны и Глеба, подведившей фундамент свойства под всю эту достаточно сложную комбинацию.

Иначе говоря, создается впечатление, что в данном случае в замысле брака были задействованы все возможные участники, лица как светские, так и духовные, и все они согласились пойти на нарушение нормы, предписанной и канонем, и общеродовой практикой. Целью такого консенсуса было, со всей очевидностью, не только получение сиюминутных тактических выгод каждым из князей, но и установление долгосрочного мира во всех русских землях. Не последнюю роль, по-видимому, играло здесь и высвобождение сил для борьбы с половцами. Очевидно, в частности, что большинство совместных действий, предпринятых сватами Рюриком и Святославом в наиболее счастливый (первоначальный) период их взаимодействия, были направлены именно на активное противостояние с кочевниками.

В качестве же внутреннего довода, подкреплявшего и оправдывавшего все эти соображения икономии, могла быть предъявлена лишь своеобразная микротрадиция браков с троюродными, существовавшая в семье невесты.

* * *

Мы склонны весьма высоко оценивать роль семейных прецедентов в обиходе княжеской династии: действие предка, спровоцированное стечением нетривиальных, а подчас и случайных обстоятельств, часто совершенно не зависевших от его воли, нередко воспринималось потомком – сыном или внуком, дочерью или племянницей – как закономерный образец поведения, который может воспроизводиться в различных, меняющихся от случая к случаю ситуациях. Сила воздействия таких примеров распространялась и на явления, подлежащие планированию, и на события, лишь отчасти поддававшиеся регуляции, и даже на сферу, казалось бы, совсем неподвластную человеческому вмешательству. Достаточно вспомнить, например, что Святослав Всеволодич полагал, что ему суждено умереть в день свв. Маккавеев, потому что именно на этот праздник приходилась кончина его отца и деда⁸⁰. В то же время князь Ярослав Ярославич, возможно, стал тезкой своего отца, поскольку некогда отцовское имя получил его дед по матери, Мстислав Мстиславич Удатный, хотя тот, скорее всего, был посмертным ребенком, тогда как Ярослав появился на свет, когда его отец был жив⁸¹. Таким же образом ситуация, сложившаяся с женитьбой рано осиротевшего отпрыска Давыдовичей, Святослава Вщижского, могла использоваться его близкими родственниками по жен-

---

⁷⁹ ПСРЛ. Т. П. Стб. 614–615.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. П. Стб. 679–681. См. подробнее об этом эпизоде: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектории традиции... С. 138–151.

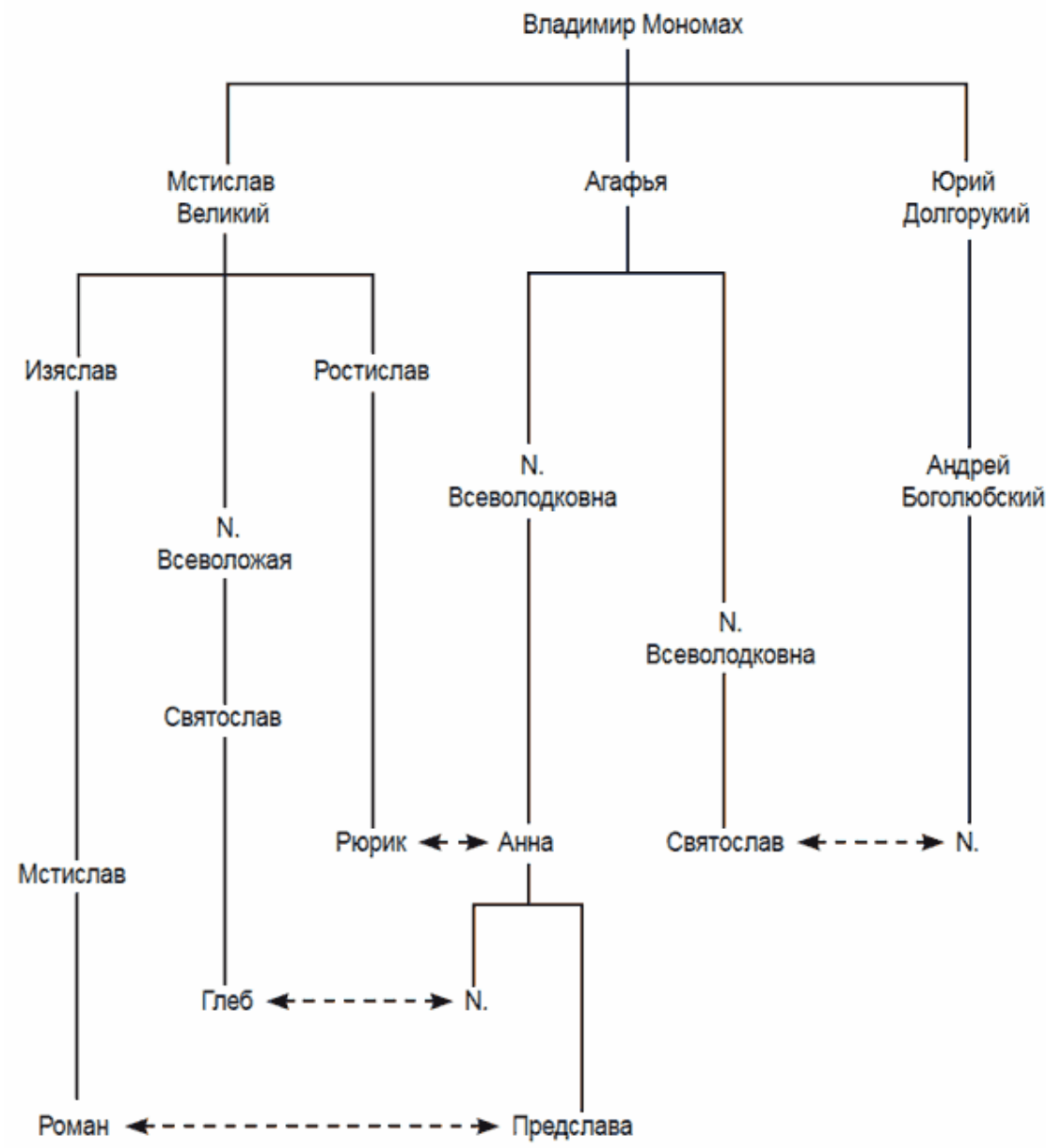
⁸¹ См. подробнее: *Они же.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 314–318.

ской линии в качестве прецедента для заключения подобных браков в относительно сходных, а иногда и существенно отличавшихся обстоятельствах.

Какое бы ни было отношение к предлагаемой нами «теории семейного прецедента», налицо очевидный факт – во всех более или менее надежно устанавливаемых внутрдинастических браках между родственниками в 6-й степени, заключенных в XII столетии, один из партнеров является прямым потомком Агафьи Владимировны: в союзы такого рода в разное время оказываются вовлечены ее внук и внучка, а также две правнучки (рис. б)⁸².

---

⁸² В такой перспективе невольно возникает вопрос: не была ли сама Агафья Владимировна замужем за своим троюродным братом? Или, говоря иначе, не был ли неизвестный по отчеству Всеволодко, за которого Владимир Мономах отдал свою дочь (ПСРЛ. Т. П. Стб. 284), ее родственником в 6-й степени? Если вслед за целым рядом исследователей отождествлять его со Всеволодом Давыдовичем, сыном Давыда Игоревича и внуком Игоря Ярославича, то так оно и выходит. Однако против такого отождествления выступил А.В. Назаренко, который полагает, что происхождение мужа Агафьи было иным и с наибольшей вероятностью его отцом является Ярослав Ярополчич, внук Изяслава Ярославича. При этом в своей аргументации исследователь основывается не только на генеалогических расчетах, но и на предполагаемой локализации городенского княжеского стола, которым владел зять Мономаха (*Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 124–146, с указанием литературы и историей вопроса). Мы же со своей стороны не можем усмотреть в обстоятельствах брака Агафьи Владимировны со Всеволодком каких-либо специфических предпосылок, которые заставили бы Мономаха уклониться от церковного запрета на брак между троюродными, и не хотели бы достраивать эти причины, беря за образец позднейшие внутрдинастические матримониальные эпизоды. В противном случае наша аргументация в пользу существования «семейных прецедентов» рискует, со всей очевидностью, замкнуться в порочный круг. Таким образом, о генеалогии Всеволодко Городенского и о том, стояла ли у истока интересующего нас семейного обычая именно Агафья Владимировна, на основании обсуждаемых нами закономерностей судить не беремся.

Рис. 6. Близкородственные браки среди потомков Агафьи Владимировны

Помимо всего прочего, это позволяет констатировать, что исключения из правила, согласно которому Рюриковичи старались не вступать в браки со столь близкими родственниками, не имеют произвольного характера, но выстраиваются в определенную последовательность. Соответственно и в самом деле правомерно говорить о существовании общего правила и исключениях из него, которые сами по себе могут быть описаны как определенная закономерность. Даже если в эту пору имел место еще какой-либо неучтенный нами матримониальный союз между троюродными (а такую возможность нельзя игнорировать в силу изобилия лакун в наших сведениях о генеалогии Рюриковичей), он не отменяет этой тенденции, отчетливо представленной четырьмя браками потомков Агафьи⁸³.

⁸³ Здесь уместно вспомнить о нескольких княжеских браках между родственниками в 6-й степени, обсуждавшихся в историографии в последние годы. Так, в относительно недавней работе А. Г. Плахонина («История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 322) мы находим указания на четыре близкородственных брака такого рода. Два из них (Предслава <-> Роман; дочь Рюрика Ростиславича <-> Глеб Святославич) мы рассмотрели выше. Еще один (союз между Анной Святополковной и Святославом Давыдовичем) не подтверждается никакими летописными данными, как, впрочем, и самое существование у Святополка Изяславича дочери по имени Анна, а потому

Еще более существенно, однако, что, в отличие от многих других сторон княжеского обихода (таких как выбор династического имени, например), брачные запреты и предпочтения у Рюриковичей напрямую взаимодействовали с письменными церковными ограничениями. Иными словами, семейная традиция, начавшая было складываться в определенной линии рода, казалось бы, должна облегчать заключение всякого следующего союза между троюродными братом и сестрой, поскольку с каждым разом накапливались авторитетные прецеденты, но в то же время она вступала в противоречие с церковным запретом, и накопление этих противоречий лишь делало их более зримыми и наглядными.

Правда, противостояние этих тенденций до поры до времени, быть может, смягчалось тем, что запреты на браки между родственниками в 6-й степени принадлежали к числу тех, что задаются не Священным Писанием, не постановлениями Вселенских Соборов и не трудами Отцов церкви, а лишь позднейшей церковной традицией, и потому могут быть как предметом обсуждения, так и объектом уступок. Однако ни одна церковь, будь то в Западной Европе или в Византии, ни в XII столетии, ни в начале XIII в. не считала браки между троюродными дозволенными. Каждый такой династический союз требовал особого разрешения церкви и, если речь шла о практике западноевропейской, был чреват разводом.

Как известно, мы не располагаем никакими сведениями о механизме церковной санкции на близкородственный брак на Руси и можем лишь пытаться реконструировать реакцию церковных властей на заключение таких союзов. При этом мы знаем, что вплоть до начала XIII столетия ни один из известных нам браков подобного типа не оканчивался разводом. Таким образом, местная княжеская династия, судя по всему, была незнакома со своеобразной тактикой манипулирования брачным правом, когда одно и то же матримониальное событие объявлялось то приемлемым, то недопустимым, и уже свершившийся брак подлежал расторжению, хотя родословная супругов все это время оставалась, разумеется, неизменной.

едва ли он должен быть принят к рассмотрению. И наконец, четвертый брак, отмеченный исследователем, зафиксирован в летописи следующим образом: «Том же лѣ^т престависѣ Софѣи. Мрославна. Ростиславла. Глѣбовича» (ПСРЛ. Т. П. Стб. 489). Предполагается, что отец Софьи и мать Ростислава были двоюродными братом и сестрой, и соответственно Софья состояла со своим мужем в 6-й степени родства (*Baumgarten N.A.* Ярослав Святополкович, князь владими́ро-во́лыньский: Его происхождение, браки и потомство // Изв. Рус. император, генеалог, о-ва. Вып. 4. СПб., 1911. С. 44–46; *Baumgarten N.* Op. cit. P. 10, tab. II, no. 19; p. 32, tab. VIII, no. 12). Однако генеалогия обоих супругов (в особенности Софьи) содержит целый ряд заметных лакун. Неясно, в частности, кто именно из князей по имени Ярослав является ее отцом, так что предположение о близком родстве Софьи и Ростислава Глебовича относится к числу гипотез, которые труднее подтвердить, нежели опровергнуть (см. подробнее: *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 153–154, с неточностью в передаче патронима жены Глеба Всеславича, дочери Ярополка Изяславича: на с. 153 княгиня ошибочно названа «Святополковной»). Таким образом, эту последнюю возможность брака между троюродными, не сбрасывая полностью со счетов, на данный момент мы вынуждены считать маловероятной. Упоминание о том, что не названная по имени дочь Мстислава Великого состояла со своим мужем Ярославом Святополчичем в 6-й степени родства, встречающееся в работе А.В. Назаренко (*Древняя Русь и славяне.* С. 48, 95, 129, примеч. 28), следует считать результатом недоразумения – между этими супругами была в действительности 7-я степень кровного родства (см. сн. 13 на с. 27–28), что и отмечалось ранее самим исследователем (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях... С. 578–579).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.